

ЙОЖЕ ПИРЪЕВЕЦ

ТИТО

И ТОВАРИЩИ

Йоже Пиръевец
Тито и товарищи

«Нестор-История»

2019

УДК 94(497.1):929«19»
ББК 63.3(4)

Пирьевец Й.

Тито и товарищи / Й. Пирьевец — «Нестор-История», 2019

ISBN 978-5-4469-1625-2

Книга известного словенского историка, академика Словенской академии наук и искусств Йоже Пирьевца, написанная на основе богатейшего архивного материала, не только подробно знакомит с биографией Йосипа Броза Тито, который решающим образом влиял на формирование югославской истории во время II Мировой войны – как организатор партизанского движения, и после нее – как глава социалистической Югославии. Она дает широкую панораму жизни югославских народов с начала XX в. до 1980 г. Большое внимание уделено взаимоотношениям Тито с руководителями СССР И. В. Сталиным, Н.С. Хрущевым, Л.И. Брежневым. Монография Й. Пирьевца получила мировую известность, переведена на 10 языков и, несомненно, вызовет интерес как у профессиональных историков и преподавателей истории, так и у широкой читательской аудитории.

УДК 94(497.1):929«19»

ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-4469-1625-2

© Пирьевец Й., 2019
© Нестор-История, 2019

Содержание

Введение	6
Глаза Тито	7
Тито: молодость и зрелые годы (1892–1939)	10
Партийная деятельность	16
В Москве	23
Борьба против «параллельного центра»	39
Снова в Москве	45
Во главе КПЮ	49
Вторая мировая война	53
Нападение сил Оси на Югославию	63
Вторжение в Югославию и призыв к восстанию	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Йоже Пирьевец

Тито и товарищи: Монография

Институт славяноведения РАН

Перевод на русский язык осуществлен при финансовой поддержке Государственного агентства по исследовательской деятельности Республики Словении (Javna agencija za raziskovalno dejavnost Republike Slovenije)

Издание осуществлено при финансовой поддержке:
Словенской академии наук и искусств (Slovenska akademija znanosti in umetnosti)

Научно-исследовательского центра Копер (Znanstveno-raziskovalno središče Koper)

Перевод и подготовка книги к печати выполнены российской академией наук в Институте славяноведения РАН

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
Любовь Алексеевна Кирилина.

Рецензенты
доктор исторических наук
Геннадий Филиппович Матвеев;
кандидат исторических наук
Анатолий Семенович Аникеев

© Пирьевец Й. (текст), 2019
© Кирилина Л. А., Пилько Н. С. (перевод), 2019 © Институт славяноведения РАН, 2019
© Издательство «Нестор-История», 2019

Введение

«Было бы весьма желательно, чтобы люди, стоявшие во главе партии «движения, – будь то перед революцией, <...> будь то в период революции <...>, – были, наконец, изображены суровыми рембрандтовскими красками во всей своей жизненной правде. Во всех существующих описаниях эти лица никогда не изображаются в их реальном, а лишь в официальном виде, с котурнами на ногах и с ореолом вокруг головы. В этих восторженно преображенных рафаэлевских портретах пропадает вся правдивость изображения»¹. Это слова К. Маркса и Ф. Энгельса. Они были оптимистами, поскольку даже не предполагали, что возвещенная ими революция может потерпеть поражение, а жизнь ее лидеров – завершиться позором. Это случилось и с Тито: еще вчера он был иконой, после же распада Югославии часто – объектом карикатур. Попытаемся написать его портрет кистью Рембрандта.

¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Новая Рейнская газета. Политико-экономический обзор. № 4. 1850 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Полное собрание сочинений. Т. 7. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. С. 280.

Глаза Тито

Выразительные глаза Тито привлекали внимание современников с того момента, как он впервые вышел на историческую сцену, – когда гордо и смело держался во время суда в Загребе, приговорившего его в конце 1928 г. к строгому тюремному заключению. Корреспондент газеты «Новости» описал его внешность так: «Некоторые черты его лица, казалось, были стальными. Его светлые глаза смотрели сквозь стекла пенсне очень холодно, но энергично и спокойно»².

Мирослав Крлежа, поэт, писатель, летописец хорватской и югославской провинции, в кратком эссе под названием «Возвращение Тито в 1937 г.» вспоминает: «Сажу в сумраке в своей комнате и смотрю на облака. Как высоко над городом гонит их западный ветер. <...> В тишине раздался звонок у входной двери. Его тревожный звук в пустых, серых, неосвещенных комнатах вызывает суеверное предчувствие какой-то неопределенности <...> Я встаю, прохожу через всю квартиру, отпираю сначала одну дверь, потом другую, включаю свет в прихожей, вот заскрипела личина замка, и – перед стеклянной дверью стоит чужак. Через девять лет Тито появился перед этой стеклянной дверью как тень давно минувших дней, и на первый взгляд мне показалось, что он не сильно изменился. Я посмотрел снова: изменился очень сильно, даже более того, полностью. <...> Шесть лет Лепоглавы и три года жизни за границей стерли с его лица то выражение наивной и непосредственной радости, и вместо улыбчивого молодого человека передо мной серьезный, спокойный чужак, глаза которого из-под стекол пенсне сверкают сумрачно, почти сурово».

С этим новым-старым знакомым Крлежа проговорил почти до утра и многое узнал о его бурной жизни и революционных идеях. Тито также поведал ему о тоске по родине, которая по возвращении из Москвы как-то ночью погнала его в родной Кумровец, хотя ясно было, что риск слишком велик, ведь он находился на нелегальном положении. Он шел к отчому дому, и ему казалось, что в этой глубинке, несмотря на великие перемены, преобразовавшие мир, ничего не изменилось с тех пор, как он был там в последний раз. «В конце этого лирического монолога голос Тито зазвучал по-другому, его серо-голубые глаза приобрели стеклянный, темно-синий металлический оттенок и стали темными, как чернила. Губы утратили свою добродушную мягкость, застыли, превратившись в упрямую, жесткую, будто высеченную из камня, резкую черту. И во взгляде, и в голосе появилось какое-то неопределенное, но обладавшее гипнотической силой выражение, полное боли и тревоги. “Кумровец, благослови его, Боже, храпит, и до каких же пор все у нас будут храпеть?” – Тито задал вопрос нервно, с яростью, тем агрессивным тоном, которым на нашем языке ниспровергают с небес всех богов высшего и низшего ранга»³.

Милована Джиласа при первой встрече с Тито также поразили его глаза: «Это был человек среднего роста, достаточно сильный, худощавый. Энергичный, несколько нервный, но умел владеть собой. Лицо у него было твердое, спокойное, но при этом довольно нежное, глаза – голубые и тоже нежные»⁴. Ему было присуще природное обаяние, перед которым невозможно устоять⁵.

² *Dedijer V. Novi priloži za biografiju Josipa Broza Tita. Zagreb; Rijeka: Mladost; Spektar; Liburnija, 1980–1984. Vol. I. S. 164.* Перевод цитаты дан по тексту Й. Пирьевца.

³ Nacionalna i sveučilišna knjižnica, Zagreb (далее – NSK). Rukopisna ostavština Miroslava Krleža. «A» 310; *Adamič L. Orel in korenine. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1981. S. 442–447.*

⁴ *Dedijer V. Novi priloži. Vol. I. S. 233.*

⁵ *Velebit V. Svjedok historije (razgovore vodila i knjigu priredila Mira Šušvar). Zagreb: Razlog, 2001. S. 59.*

Гойко Николич, хорватский серб, врач, сражавшийся в Испании, в ноябре 1941 г. записал в дневнике впечатления о своей первой встрече с Тито: «Тито я нашел на следующий день в широкой и просто обставленной комнате <...>. После приветствия и рапорта я бросил быстрый внимательный взгляд на этого человека и сразу заметил в нем определенные черты, черты того, кто взял в руки судьбу нашей борьбы и кого мы так долго ждали. Сначала я увидел голубые, немного затуманенные глаза, потом четко вылепленное лицо, лицо идеального классово-сознательного рабочего, пролетария. Как будто скопированное с какой-нибудь русской картины времен Пролеткульта»⁶.

Тито умел очаровать не только своих приверженцев, которые и так им восхищались. Руководитель британской миссии в Верховном штабе так описал впечатление, которое произвел на него Тито во время их встречи в 1943 г.: «Что касается внешности, Тито – личность импозантная: ему было 52 года, фигура крепкая, цвет волос – металлически-сивый. Его лицо, правильные черты которого казались высеченными из камня, было серьезным и очень загорелым, морщины свидетельствовали о бескомпромиссной решительности. Ничто не могло укрыться от взгляда его голубых глаз. В нем была сконцентрирована энергия тигра, готовящегося к прыжку»⁷.

Западногерманский посол, описывая свой первый прием у Тито на вилле Блед в 1951 г., прежде всего подчеркнул, что тот не похож на Германа Геринга, гитлеровского министра авиации, о чем нашептывали злые языки: «Хотя он среднего роста, не массивен, но очень крепок, как будто вытесан из одного куска. Лицо серьезное и совсем не отекшее, очень энергичное, но не жестокое. Больше всего привлекают внимание его голубые глаза, которые кажутся еще более ясными на фоне его загорелой на брионском солнце кожи»⁸.

Десять лет спустя глаза Тито поразили и взволновали сербского романиста Добрицу Чосича, сопровождавшего его в поездке по Африке. «Выражение его лица имеет много оттенков, – писал он о Тито. – То оно сентиментальное, задумчивое, интровертное; то таящее угрозу, суровое и опасное; то ясное и добродушное. Иногда кажется, что он дремлет и печалится о чем-то. Но вдруг в зеленоватых глазах мелькнет предостережение, упорство, вера в себя. И больше не видно ни напряжения, ни прожитых лет. Ни у кого я не видел таких глаз...»⁹

В начале 1970-х гг. на приеме у Тито была французская делегация во главе с премьер-министром Ж. Шабан-Дельмасом. Один из ее членов подытожил свои впечатления об этой встрече, отметив, что Тито стар и нельзя этого не учитывать: «Было видно, что он всё еще находится в хорошей физической форме, у него развитое чувство юмора – он, как Гаргантюа, ел и пил, и всегда был готов посмеяться. Однако, как это случается со старыми людьми, он часто что-нибудь забывал, или повторялся, или терял нить разговора. <...> Как и у всех коммунистов старого поколения, глаза у него бегали. По большей части он смотрел вниз или в сторону, а не на своего собеседника. Впрочем, иногда он бросал на него прямой взгляд, и никому “не захотелось бы быть врагом человека с такими глазами”»¹⁰.

Первым упомянул об опасности взгляда Тито Луис Адамич, американский писатель словенского происхождения, который в 1949 г., после конфликта Сталина и Тито, вернулся на родину, чтобы понять, что там в действительности происходит. Как он отмечает в своей обширной книге «Орел и корни», написанной в результате этой поездки, он имел возможность часто встречаться с Тито. Между ними сложились приятельские отношения, поэтому Адамичу позволялось откровенно говорить с Тито о многом, о чем не посмел бы обмолвиться никто из

⁶ *Nikoliš G.* Korijen, stablo, pavetina: memoari. Zagreb: Liber, 1981. S. 335.

⁷ *Гуренко Ю. С.* Сталин – Тито. М.: Политиздат, 1991. С. 164; *Maclean F.* Josip Broz Tito: a Pictorial Biography. New York: McGraw-Hill, 1980. P 76–80.

⁸ Politisches Archiv, Berlin (далее – PA). В. 11. Bd. 263. 1. S. 41.

⁹ *Čosic D.* Piščevi zapisi (1951–1968). Beograd: F. Višnjic, 2001. S. 175.

¹⁰ The National Archives, London (далее – TNA). FCO 28/1641/ENU 3/312/1.

его близкого окружения. Например, он не скрывал своего критического отношения к «бонапартизму» Тито и к его-маниакальному увлечению форменной одеждой. После одного политического заседания, вылившегося в настоящий апофеоз Тито, Адамич не скрыл своего сдержанного отношения к этому событию. Уходя, маршал заметил, что писатель наблюдает за ним: «Внезапно и с блеском в (голубовато-стальных) глазах, блеском, намекавшим, что это не просто шутка, он сказал: “Знаете ли, господин Адамич, так уж случилось, что я – Главнокомандующий вооруженных сил”. Это был его ответ на мою критику его маршальской формы»¹¹.

И в заключение – слова Генри Киссинджера, государственного секретаря американского президента Ричарда Никсона: «Тито был человеком, глаза которого далеко не всегда улыбались, когда улыбка была на его лице»¹². Знал ли он, что и о Сталине говорили то же самое?¹³ Возможно, потому что они были похожи, Сталин сразу же заметил эту особенность Тито. На одной из первых встреч в сентябре-октябре 1944 г. он сказал ему: «Почему у Вас глаза, как у рыси? Это нехорошо. Глаза должны улыбаться. А потом – нож в спину»¹⁴.

¹¹ *Adamič L.* Orel in korenine. Ljubljana: DZS, 1981. S. 120, 124.

¹² *Kissinger H.* The White House Years. London: Weidenfeld and Nicolson, 1979. P. 928.

¹³ *Vlahovič V.* Strogo pov. 1955–1958. Neobjavljeni rokopis. Beograd: Stručna knjiga, 1998. S. 58.

¹⁴ *Čosič D.* Piščevi zapisi (1951–1968). S. 177.

Тито: молодость и зрелые годы (1892–1939)

Иосип Броз родился 7 мая 1892 г. (о дате своего рождения он давал разные сведения)¹⁵ как подданный Франца Иосифа I в загорском селе Кумровец на границе между Хорватией и Штирией. Хотя обе эти административные единицы были включены в рамки Габсбургской монархии, между ними существовали различия: первая входила в состав земель Короны св. Стефана, вторая относилась к коронным владениям династии Габсбургов. Франц Иосиф в Вене являлся императором, а в Будапеште – королем, и это была не просто формальность, особенно после 1866 г., когда под его владичеством были образованы два государства, не имевшие между собой ничего общего, за исключением его самого и трех министерств: военного, финансового и иностранных дел. В то время как австрийская половина монархии медленно, но упорно приспособилась к ритму промышленной революции, венгерская оставалась в тисках консервативного феодального класса, игнорировавшего национальные и социальные вопросы.

Если бы Йосип Броз родился и вырос в нескольких километрах от своего села, в долине Быстрице, в доме его матери Марии, которая была словенкой, возможно, его судьба сложилась бы по-другому. Благодаря тому, что католическая церковь имела разветвленную сеть своих организаций в Люблянском епископстве, местный священник обратил бы внимание на его одаренность и, скорее всего, отправил бы его на обучение в епископские учебные заведения в столице Крайны. Оттуда ему была бы открыта дорога в семинарию и на богословский факультет, или в университет – если бы ему удалось избежать принятия духовного сана. (Его верующая мать надеялась, что он станет священником.) Но поскольку он родился и рос в Загорье, где хорватская католическая церковь не имела такой организации, как словенская в Крайне, о его воспитании никто не позаботился. Он закончил лишь четыре класса начальной школы и несколько лет подготовительной. Кроме того, когда мальчику было 12 лет, пьяница – сельский священник – дал ему затрещину и отругал за то, что, выполняя обязанности служки, он после мессы недостаточно расторопно помог ему снять облачение. Йожа этого не простил: «Хотя я продолжал ходить на мессу по воскресеньям, поскольку этого хотела мама, думаю что с того момента я распрощался с церковью»¹⁶. Он родился в семье, которая изначально не принадлежала к числу бедняков, но вскоре обнищала – она была «благословлена» 15 детьми (восемь из них умерли в раннем возрасте). Поэтому уже в подростковом возрасте Йосипу пришлось самому зарабатывать себе на хлеб¹⁷. Отец Франц, человек слабохарактерный – «черный как черт», – пьянствовал и был вынужден продать тот маленький земельный надел, которым владел¹⁸. О нем Тито говорил неохотно, да и о крестьянах своего родного Загорья был плохого мнения. «Те, кто не согласен с вами, – рассказывал он через много лет, – стоят в стороне, нахлобучив на лоб шапку и засунув руки в карманы. Они очень пассивны и не умны»¹⁹. С другой стороны, он с детства слышал рассказы о крестьянских восстаниях, охвативших его родные

¹⁵ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 136, 137; Simič P. Tito. Skrivnost stoletja. Jugoslovanski predsednik v novi luči. Ljubljana: Orbis, 2009. S. 19; Simič P., Despot Z. Tito. Strogo poverljivo. Arhivski dokumenti. Beograd: Službeni glasnik, 2010. S. 15, 39; Ridley J. Tito. A Biography. London: Constable, 1994. P. 42, 43; Adamovič V. Tri diktatora: Staljin, Hitler, Tito. Psihopolitička paralela. Beograd: Informatika, 2008. S. 449–451.*

¹⁶ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 136, 221, 226; Kocbek E. Dnevnik 1949. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1999. S. 226; Adamič L. Orel in korenine. S. 322, 323.*

¹⁷ *Dilas M. Tito. Eine kritische Biographie. Wien: Molden, 1980. S. 31, 39; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 21; Vol. II. S. 151.* По другим источникам, у Франца и Марии Броз было 10 детей. См.: *Simič P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 26.*

¹⁸ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 20; Vol. III. S. 51; Arhiv Slovenije, Ljubljana (далее – AS). L. Šentjurs 1539. Tehnična enota (T. e.) 40. O ocu Franji; Adamovič V. Tri diktatora. S. 452.*

¹⁹ *Arhiv Jugoslavije, Beograd (далее – AJ). 837. KPR. IV-5-b. K 49. Записка Й. Вилфана о размышлениях Тито о крестьянах Ужицкого края и Загорья. 20.11.1953. Через несколько лет он изменил свое мнение: «Загорцы умны, непосредственны, шустры». См.: Čosič D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 203.*

края во второй половине XVI в., о трагической гибели Матии Губеца и его единомышленников в результате поражения в 1573 г. Не случайно в его рабочем кабинете в Белграде висела огромная картина Крсты Хегедушича, на которой были изображены восставшие крестьяне во время битвы при Стубице²⁰.

Сначала Йосип хотел стать портным, его привлекала красивая одежда, но сельский учитель полагал, что он беспокойный мальчик и такая сидячая профессия – не для него. Так что он устроился на работу в одно кафе в Си-саке – он выбрал профессию официанта, потому что они казались ему элегантными. Однако вскоре он ушел оттуда и поступил учеником в слесарно-механическую мастерскую. Беспокойная душа: закончив обучение ремеслу в 1910 г., он несколько раз менял места работы – побывал в Хорватии, Крайне, Чехии, Баварии, Рурской области и Австрии. Даже собирался эмигрировать в Америку, но добрался только до Триеста, и там ему пришлось бы худо, если бы местные социал-демократы не организовали для таких бедняков, как он, питание на общественной кухне²¹. В Загребе в 1910 г. Броз вступил в Союз рабочих-металлистов, а на следующий год – в Союз социалистической молодежи, а это означало, что он автоматически стал членом Социал-демократической партии²². «Наша молодость, – вспоминал его ровесник Мирослав Крлежа, – проходила на тех безнадежно скучных и серых улицах заградского Нижнего Города <...>, где забегаловки бедны и вонючи, в лавках пахнет мукой и сушеной треской, как в самой убогой провинции, и в пустых трехэтажных домах живут низкооплачиваемые серые служащие некой серой и скучной империи, находящейся на смертном одре»²³.

Осенью 1912 г. Тито призвали в армию, где вскоре он получил должность «водника» (младшего сержанта). Так в 21 год Йосип стал одним из самых молодых унтер-офицеров в императорской армии²⁴. Раньше он являлся членом физкультурного общества «Сокол», и поэтому был хорошим спортсменом, отличным лыжником и фехтовальщиком. Он считал, что получил не золотую, а только серебряную медаль на общеоармейских состязаниях по фехтованию в Будапеште исключительно из-за того, что был хорватом, а его соперник происходил из графского рода²⁵. Даже в последующие годы он не испытывал враждебных чувств по отношению к Габсбургской монархии и полагал, что она была хорошо организованным государством, хотя в то время его уже вдохновляла югославянская идея. Однажды, когда разговор зашел о черногорском короле Николе, которого Милован Джилас пренебрежительно назвал «опереточной фигурой», Тито возразил: «Э, нет. Мы, молодые, ему симпатизировали – он был мужественным человеком, патриотом, югославянином...»²⁶ Также он до конца жизни был привязан к своему родному краю. О том, кто он по национальности, Йосип впервые узнал в четыре года от своего деда-словенца Мартина Явершека, в доме которого в селе Подсреда он часто бывал в дошкольные годы. Пытаясь уговорить внука слезть с груши, на которую тот забрался, дед сказал: «А ну-ка слезай, маленький хорватик»²⁷. В 1971 г., во время наибольшего обострения конфликта с заградскими «либералами», которые, по его мнению, слишком попустительствовали местным националистам, он, уже слегка захмелев, сказал Савке Дабчевич-Кучар, первому секретарю Союза коммунистов Хорватии: «Вы действительно думаете, что у меня нет никакого чувства национальной принадлежности, что я совсем не ощущаю себя хорватом, что я

²⁰ Ridley J. Tito. A Biography. P. 48; *Krajačići*. (Stevo). Resnica mora zmagati // Dnevnik. 11.11.1984.

²¹ *Dedijer V. Novi prilozii*. Vol. II. S. 219–231; *Adamič L.* Orel in korenine. S. 330, 331.

²² *Dedijer V. Novi prilozii*. Vol. I. S. 42, 46.

²³ *Krleža M.* Moji susreti s Titom // *Večernji list*. 1972. 23.05. S. 4.

²⁴ Ridley J. Tito. A Biography. P. 59; *Adamič L.* Orel in korenine. S. 337.

²⁵ *Dilas M.* Tito. S. 234; *Dedijer V. Novi prilozii*. Vol. I. S. 58; Vol. III. S. 48; AJ. 837. KPR. IV-5-b. K 49. Podaci o Titovom boravku u Austriji; *Ridley J.* Tito. A Biography. P. 59.

²⁶ *Dilas M.* Tito. S. 251; *Adamovic V.* Tri diktatora. S. 508.

²⁷ *Šetinc F.* Zbogom Jugoslavija. Ljubljana: Državna založba Slovenje, 1993. S. 221.

еще молодым пролетарием вышел в мир, и пролетарский интернационализм уничтожил во мне всякое национальное чувство. Я, конечно, интернационалист, ведь мы – коммунисты, и мы все должны быть интернационалистами! Но я – хорват!»²⁸

В конце июля 1914 г. началась Первая мировая война. С августа по декабрь того года Йосип служил унтер-офицером в 25-м Домобранском пехотном полку. Сначала этот полк направили на сербский фронт на Дрине, а позднее его перекинули в Карпаты, на русский фронт. Еще до этого, в Петроварадине близ г. Нови-Сад, Броза на несколько дней посадили в тюрьму по обвинению в антивоенной пропаганде – это, как он отмечал впоследствии, была ошибка военных властей²⁹. В тяжелых боях против русских в Восточной Галиции, куда он прибыл в феврале 1915 г., Йосип отличился как командир взвода разведки и даже был удостоен награды. В одном из документов это событие описывается так: «В ночь с 17 на 18 марта 1915 г. он, будучи командиром пехотного патруля, состоящего из четырех солдат, напал на вражеский патруль в Крживотуле-Стары, захватил его в полном составе (11 русских) и привел в свое подразделение. Этот унтер-офицер всегда вызывается добровольцем на каждое опасное дело <...> и уже неоднократно вносил сумятицу в ряды врагов»³⁰. В награду за успех он получил большую сумму денег, поскольку командование выплачивало по 5 крон за каждого плененного врага. Броз был удостоен также малой серебряной медали «За отвагу»³¹, но не успел получить ее, поскольку на Пасху в Буковине был тяжело ранен в бою с черкесами из Дикой дивизии, известными своей жестокостью. Ставшая для него судьбоносной битва у деревни Окно разворачивалась так: сначала его взвод встретился с идущими в наступление русскими. Броз приказал своим солдатам не стрелять, поскольку хотел сдаться в плен³². Но вслед за русскими прискакали черкесы и окружили его подразделение. «Мы даже не успели уловить тот момент, когда они появились и обрушились на наши окопы». Хотя он поднял руки вверх, на него напал черкес с двухметровой пикой, и Йосип стал отбиваться штыком. Поскольку Броз был отличным фехтовальщиком, он мог бы убить противника, но не хотел этого делать. В тот момент кто-то на огромном коне вогнал ему копьё под правую лопатку на несколько пальцев в глубину. «Когда я обернулся, то увидел искаженное лицо другого черкеса и огромные черные глаза под густыми бровями»³³. Он упал. Последним, кого он увидел, был русский солдат, набросившийся на черкеса, когда тот готовился нанести ему смертельный удар. Его взяли в плен вместе со всем батальоном, и он выжил, вероятно, лишь потому, что местные *бабушки* оказали ему первую помощь. Пришел в себя он только в госпитале³⁴.

Когда его фамилию внесли в список погибших воинов императорско-королевской армии 10–12 апреля 1915 г.³⁵, началась новая глава его жизни. Он оказался среди двух миллионов австро-венгерских военнопленных, которых русские отправляли в лагеря, раскиданные по всей огромной империи. Почти целый год, с мая 1915 до марта 1916 г. Броз лечился в госпитале, размещенном в Успенском монастыре в Свяжске на Волге (Казанская губерния), затем его переправили в лагерь близ города Алатырь на реке Сура в Чувашии. Там он познакомился с дочерью одного врача и с ее подругой – девушки посещали военнопленных и оказывали

²⁸ Dabčević-Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. Zagreb: Interpublic, 1997. S. 666.

²⁹ Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 60; Vol. II. S. 43, 245, 246; Ridley J. Tito. A Biography. P. 62, 63; Klinger IE, Kuljiš D. Tito. Neispričane priče. Banja Luka; Zagreb, Nezavisne novine; Paragon, 2013. S. 30.

³⁰ Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 61.

³¹ Если не двумя. См.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 74. Д. 586. С. 8.

³² Многие югославыне Австро-Венгрии, воспринявшие идеи славянской взаимности, не хотели воевать против русских и сдавались им в плен (*прим. пер.*)

³³ Гуренко Ю. С. Сталин – Тито. С. 18; Adamič L. Orel in korenine. S. 337.

³⁴ Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 63; Vol. III. S. 54; Čosič D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 193.

³⁵ AJ. 838. LF II-10/2. Fotokopije delova spiskova o nestalima u I. svetskom ratu.

небольшие услуги больным. Они приносили ему книги из дома и часто приглашали в гости: «Они всегда уговаривали меня играть [на пианино]». Так что он и этому научился³⁶. Несмотря на то что он мог бы освободиться из плена, если бы согласился вступить в Добровольческий корпус, в который сербы вербовали «земляков» из Австро-Венгрии, чтобы отправить их на фронт в Добруджу, он вместе с другими 70 товарищами отказался вернуться на службу в армию. Согласно Женевской конвенции, власти не имели права заставлять его, унтер-офицера, работать. Однако он вызвался работать добровольно, и его отправили к зажиточному крестьянину в деревню Каласеево близ г. Ардатов в Симбирской губернии. Там он стал механиком на паровой мельнице. Осенью 1916 г. его вместе с другими военнопленными отправили в город Кунгур, находившийся на Урале, недалеко от Екатеринбурга. Там он работал переводчиком на строительстве железной дороги и, как «старший» пленный, надзирателем. В мае 1917 г. его отослали еще дальше, на маленькую железнодорожную станцию Ергач рядом с г. Пермь. Там у Броза произошел конфликт с начальником лагеря. Его дважды сажали под арест и сильно избивали, что навело его на мысль о побеге. Три казака так отхлестали его кнутом, что эти удары запомнились ему на всю жизнь³⁷.

Летом 1917 г., воспользовавшись хаосом, наступившим после Февральской революции, он сбежал из лагеря и добрался до Петрограда в надежде получить работу на Путиловском заводе. И он действительно проработал там два-три дня, ему даже удалось услышать речь В. И. Ленина на митинге и увидеть писателя Максима Горького. Броз на всю жизнь сохранил глубокое уважение к Ленину. В годы, когда он находился у власти, на его рабочем столе в Белграде стояла фотография Ленина, а на шкафу – его маленький скульптурный бюст³⁸. Когда 13 июля начались демонстрации большевиков, пытавшихся захватить власть, он принял в них участие, когда же их подавили, решил, что революция потерпела крах. Только по чистой случайности его не скосила пулеметная очередь, выпущенная одним из полицейских, которые по приказу А.Ф. Керенского разгоняли демонстрантов. Сначала он прятался под мостами через Неву, а затем перебрался в Финляндию, в то время являвшуюся автономным княжеством в составе Российской империи. Он слышал, что там готовится решающее выступление. В окрестностях города Оулу его арестовали и, поскольку он не говорил по-фински, решили, что он «опасный большевик». В конечном счете он объяснил полиции, что является австрийским военнопленным, и его отпустили. Броз вернулся в Петроград, где его снова арестовали и на три недели посадили в казематы Петропавловской крепости³⁹. Кто их видел, не усомнится в том, что Броз почувствовал большое облегчение, когда выяснилось, что он – военнопленный, и его снова отправили на Урал. Однако ему удалось сбежать в Сибирь, не доехав до Кунгура. Он выпрыгнул из поезда для депортированных, и, несмотря на то что на станции один из полицейских его узнал, побег удался. Он вскочил в пассажирский поезд без денег и без билета, но проводнику было всё равно. Это произошло через день после захвата Лениным власти. «Мы ехали долго. В поезде начались драки, солдаты вышвыривали “белых” офицеров из вагонов»⁴⁰. Броз прибыл в Омск, где вступил в ряды Красной международной гвардии. Он служил в ней охранником и механиком с поздней осени 1917 до лета 1918 г., когда еще не было понятно, кто победит в охватившей Россию Гражданской войне – красные или белые. В деревне Михайловка близ Омска, где он снова стал работать на паровой мельнице, он познакомился с 13-14-летней Пела-

³⁶ *Dedjer V. Novi prilozii. Vol. I. S. 64; Vol. III. S. 609; AS. Dedijer. T. e. 215; Adamič L. Orel in korenine. S. 338.*

³⁷ *Dedjer V. Novi prilozii. Vol. I. S. 65, 66; Vol. III. S. 50; Гупенко Ю. С. Сталин – Тито. С. 18; Ridley J. Tito. A Biography. P. 65; Adamič L. Orel in korenine. S. 339, 340.*

³⁸ *Ridley J. Tito. A Biography. P. 320.*

³⁹ *Dedjer V. Novi prilozii. Vol. III. S. 50; Čosič D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 85.*

⁴⁰ *Broz Tito J. Intervjui. Zagreb; Beograd, 1980. S. 91.*

геей Белоусовой. Так началась первая из его пяти серьезных связей, ни одна из которых не имела счастливого конца⁴¹.

В 1918 г. Йосип Броз подал заявление о предоставлении ему российского гражданства и о приеме его в Коммунистическую партию. Неизвестно, одобрили ли его просьбу о предоставлении гражданства. Что касается вступления в партию, из документов Коминтерна известно, что его не приняли, поскольку югославской секции тогда еще не было. Как бы то ни было, он вступил в Омске в интернациональную бригаду Красной гвардии не для того, чтобы стать «солдатом революции», на чем впоследствии настаивала агиография. Он был слишком слаб, чтобы отправиться на фронт, он всё еще кашлял кровью из-за раны. Также складывается впечатление, что большевистские власти не хотели использовать его подразделение в боях против белых, полагая, что от него будет больше пользы в Омске⁴². Вскоре Белая гвардия генерала А. В. Колчака заняла этот сибирский центр, и началась систематическая ловля возможных противников и укрывающихся. Спасаясь от белых и их террора, а прежде всего от угрозы насильственной мобилизации в Чехословацкий или Сербский корпуса, ставшие на сторону контрреволюции, Броз сбежал в киргизский аул, находившийся в 50 или 80 км от Омска. Там он вновь стал работать механиком на паровой мельнице богатого крестьянина Исаяи Джаксенбаева, считая, что находится в безопасности. Однако чехи захватили и этот удаленный край и попытались арестовать Йосипа. Из-за связей с коммунистами в Омске ему пришлось бы плохо. Неизвестно, то ли его спрятал Джаксенбаев, то ли местные крестьяне, которых он агитировал за советскую власть, сказали, что он у них живет еще с 1915 г., т. е. не является дезертиром. Во всяком случае, он избавился от угрозы тюремного заключения, если не от чего-то худшего. Киргизы ему симпатизировали как отважному и вдумчивому молодому человеку, способному быстро принимать решения и имеющему особый дар – умение приручать животных⁴³. Об этой черте его характера свидетельствует следующий эпизод. Друзья подарили ему сокола. Он его растил, кормил мясом и ласкал. Сокол приучился сидеть у него на плече. Когда он вырос и научился хорошо летать, Йожа решил выпустить его на свободу. Через два дня сокол прилетел назад, сел ему на плечо и стал спокойно ждать, когда его накормят. Наевшись, улетел, но через два дня опять вернулся. Только в четвертый раз он улетел навсегда. Те, кто слышал эту историю, говорили: «Все живые существа должны любить такого человека, как Броз»⁴⁴.

Когда в 1919 г. Красная армия прогнала Колчака из Омска и железнодорожная связь с Петроградом восстановилась, Йожа решил отправиться в дорогу вместе с женой (ее звали Полка). В Петрограде, где он пробыл около трех недель, он узнал об образовании Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС). Советские власти назначили его комендантом транспорта военнопленных из бывших австрийских земель, которых теперь отправляли в Югославию⁴⁵. Вместе с ними в сентябре 1920 г. он вернулся на родину через Балтику, причем в Вене представители Югославии попытались запретить ему пересечение границы, поскольку два товарища-серба обвинили его в том, что он коммунист. Когда он приехал в Марибор, его вместе с молодой женой арестовали и неделю держали на карантине. Лишь затем ему, после пятилетнего пребывания в плену, разрешили вернуться в родное село⁴⁶. Россия и Сибирь с ее тайгой,

⁴¹ *Dedijer V. Novi prilozii. Vol. I. S. 71; Vol. II. S. 243–266; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 589. С. 3–6; Adamič L. Orel in korenine. S. 343, 344; Klinger IK, Kuljiš D. Tito. Neispričane priče. S. 43.*

⁴² *Dedijer V. Novi prilozii. Vol. I. S. 67; Vol. III. S. 50; NSK. Arhiv Bakaric. Kutija 10. Razgovor Bakaric – Boško Šiljegovic, 04.06.1981; Cencič V. Titova poslednja ispovjest. Cetinje; Beograd: Grafos, Orfelin, 2001. S. 245; Adamič L. Orel in korenine. S. 341.*

⁴³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 587. С. 6; *Simčič M. Ženske v Titovi senci. Tito brez maske 2. Ilirska Bistrica: Intelektualne storitve, 2010. S. 144; Adamič L. Orel in korenine. S. 346; Mandič B. Tito u djalogu sa svjetom. Novi Sad: Mir, 2005. S. 221, 222; Idem. S Titom. Četrtr veka v kabinetu. Beograd: Dam Graf, 2012. S. 150.*

⁴⁴ АЖ. 837. КРР. IV-5-а. К 38. ТВ серија «Из Титових мемоара».

⁴⁵ АС. Dedijer. Т. е. 262. Pričevanje dr. Očaka o Pelagiji Belousovi.

⁴⁶ *Dedijer V. Novi prilozii. Vol. III. S. 50; Adamič L. Orel in korenine. S. 349.*

конями и лунным светом остались в его сердце на всю жизнь. К стране Советов, с огромной промышленной и военной мощью которой он познакомился позже, он до глубокой старости сохранил теплые чувства⁴⁷. Когда в 1952 г., на пике конфликта со Сталиным, он проводил заседание со своими генералами и один из них стал в грубых выражениях проклинать СССР, Броз рассердился и заявил: «У каждого волка свое логово, которое он никогда не бросает. И я тоже так поступаю»⁴⁸. Несмотря на все разочарования, сомнения и конфликты, Тито считал незыблемым, «что социалистический материк действительно существует и занимает шестую часть нашей планеты, и это – начало процесса, который невозможно остановить»⁴⁹.

⁴⁷ *Vrhunec M.* Josip Broz-Tito. Osebnost – storitve – titoizem. Pričevanje, Ljubljana: Društvo piscev zgodovine NOB Slovenije, 2009. S. 130; *Krleža M.* Titov povratak 1937 // *Večernji List*. 1972. 25.05. S. 2.

⁴⁸ AS. Dedijer. T. e. 274. Najvažnejši razgovor s Josipom Kopiničem. 05.09.1989.

⁴⁹ *Krleža M.* Moji susreti s Titom. S. 4.

Партийная деятельность

Дома Йосипа Броза ждала печальная весть – его мать умерла два года назад от испанского гриппа. Как вспоминала Полка, узнав об этом, он заплакал. Позже он признался: «Это был самый тяжелый день в моей жизни»⁵⁰. Политическая и социальная ситуация на его родине коренным образом изменилась – Габсбургской монархии больше не было, и нишу, оставленную многовековым государством, заполнила странная химера: Королевство сербов, хорватов и словенцев, в котором под скипетром Карагеоргиевичей объединились славяне средневропейского и левантийского культурно-исторических ареалов. Помимо трех главных этнических групп и македонцев, черногорцев и боснийцев-мусульман, которых Белград не признавал самостоятельными нациями, в нем имелось по меньшей мере 17 меньшинств (албанцы, венгры, немцы и др.). Из европейских государств оно было наиболее разнородным по национальному составу: 80 % населения проживало в сельской местности, часто всё в тех же условиях, что и прежде под властью турок, если не в худших – из-за страшных бедствий, вызванных войной⁵¹. Было очевидно, что управлять таким пестрым и потенциально взрывоопасным сообществом можно лишь твердой рукой. Белградские правительственные круги стали вести жесткую политику: наряду с другими мерами в конце декабря 1920 г. был принят декрет (так называемая «Обзнана»), запрещающий деятельность только что учрежденной Коммунистической партии Югославии (КПЮ), и последней пришлось перейти на нелегальное положение. Конечно, это очень ослабило партию, созданную на основе довоенных социал-демократических и социалистических партий, имевших разные традиции и культуру: число ее членов сократилось с 65 тыс. человек (в 1920 г.) до 688 (в 1924 г.)⁵². Йосип Броз, хотя и вступил в партию, не принимал участия в ожесточенных политических баталиях между фракциями, которые велись «генералами без армий». Он выбрал другую сферу деятельности – профсоюзы, в которых коммунисты занимали прочное положение. Несмотря на это, ему не удалось избежать доносов, увольнений со службы, даже тюремных заключений и избиений в них⁵³. Как и в довоенные годы, он не удерживался долго на одном месте: работал в Загребе, Беловаре, на верфи в Кралевице, в Велико-Тройстве и даже в вагонном депо в г. Смедеревска Паланка. На какое-то время он вернулся и к своей первой профессии – устроился официантом, но вскоре организовал среди коллег забастовку, и его уволили⁵⁴.

В 1926 г. он захотел вступить в Белграде в одну из местных партийных ячеек. Однако правая фракция, заправлявшая партийными делами в городе, отказала ему в приеме, поскольку ее руководители считали, что он не принадлежит ни к ним, ни к левым. «Эта фракционность настолько широко распространилась, что честные коммунисты не имели возможности вступить в партийные организации. Таким способом руководители обеспечивали прочность своих позиций <...>, ведь они получали помощь от Коминтерна. То есть не просто помощь, это была регулярная ежемесячная плата <...>, намного большая, чем зарплата чиновников высокого ранга. <...> И это, помимо всего прочего, подвигло меня вступить в борьбу с фракционностью»⁵⁵. Вернувшись в 1927 г. в Загреб, Броз начал агитацию: сперва – как секретарь Союза хорватских металлистов и кожевников, затем – как секретарь городского комитета Компартии, в котором он присоединился к центристам, противостоявшим как левой, так и

⁵⁰ Mandić B. Tito izbliza. Beograd: Jugoslovenska revija, 1981. S. 24.

⁵¹ TNA. FCO 28/1628/ENU 3/303/1; *Dedijer V. Novi prilozii*. Vol. I. S. 75.

⁵² *Bilandžić D. Povijest izbliza. Memoarski zapisi 1945–2005*. Zagreb: Prometej, 2006. S. 592.

⁵³ *Dedijer V. Novi prilozii*. Vol. II. S. 173, 267, 268; *Barnett N. Tito*. London: Haus, 2006. P. 32.

⁵⁴ *Ridley J. Tito. A Biography*. P. 78.

⁵⁵ AS. *Dedijer*. Т. е. 111. Magnetofonska snimka predavanja Josipa Broza Tita 26. i 27. ožujka 1977. g. u Kumrovcu. S. 12, 23, 24.

правой фракциям. Первая поддерживала федералистскую концепцию общественного и государственного устройства, вторая – централистскую, при этом, естественно, проявлялись и различия между политическими культурами Белграда и Загреба. Как впоследствии писал Мирослав Крлежа, «обсуждение не могло выйти из заколдованного круга: “без полной демократии нет решения национального вопроса” или “без решения национального вопроса нет полной демократии”»⁵⁶.

Поскольку с середины 1920-х до середины 1930-х гг. Коминтерн, объединивший все коммунистические партии мира и подчинивший их Москве, видел в Королевстве СХС, «этом искусственном творении Версаля», возможный трамплин для нападения империалистических сил на Советский Союз, он выступал за его распад и образование на Балканах федерации социалистических республик. В резолюции комиссии Коминтерна по особым делам, опубликованной весной 1925 г., КПЮ давалось следующее напутствие: «Партия, по максимуму проводя пропаганду и агитацию, должна убедить трудящиеся массы Югославии в том, что распад такого государства является единственной возможностью для решения национального вопроса. <...> До тех пор, пока Югославия не распадется, невозможна никакая серьезная коммунистическая деятельность. Таким образом, следует разрушить Югославию, поддержав в ней сепаратистские движения»⁵⁷. С этой целью ИККИ (Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала) ополчился на правую фракцию и ее руководителя серба Симо Марковича, секретаря КПЮ, которого сам Сталин критиковал за то, что он отвергал ленинский принцип права наций на самоопределение – и в итоге тот в 1929 г. был исключен из партии. В то же время ИККИ подверг критике левую фракцию под руководством Райко Ивановича, утверждавшую, помимо прочего, что крестьяне по своей природе неизбежно являются союзниками буржуазии, а не пролетариата. В 1928 г. Исполком Коминтерна в открытом письме к членам КПЮ так охарактеризовал конфликт между обеими группами: «Насущные вопросы пролетарской борьбы были отеснены на задний план, на первый же была выдвинута схоластическая казуистика, которая только усиливала раздор между фракциями»⁵⁸.

Вмешательство Москвы во внутренние дела КПЮ еще больше накалило обстановку, причем встал вопрос о том, допустимо ли оно в принципе. В этом контексте была принята «загребская линия», чьи сторонники выступали за преобразование фракций, утверждая, что проблема заключается в склоках между интеллигентами, которых на высших партийных должностях следует заменить рабочими. Тито вспоминал: «Мы искали выход из трудного положения, в котором оказалось коммунистическое движение в Югославии. Мы поняли, что прежде всего необходимо оздоровить партию и достичь в ней единства». Эта борьба, конечно, была рискованной, поскольку руководство КПЮ применяло по отношению к критикам самые жесткие санкции и заявляло, что они являются антипартийными элементами»⁵⁹.

Не желая углубляться в размышления о достоинствах или недостатках позиций обеих фракций, Йосип Броз был твердо убежден, что многолетняя внутренняя борьба калечит партийную вехушку и лишает ее способности к проведению настоящей революционной акции. В вихре этих баталий в конце февраля 1928 г. на VIII Съезде КПЮ ему с помощью Андрии Хебранга удалось, выступая под лозунгом «монолитной большевистской организации», стать секретарем загребского городского комитета партии. Главным кандидатом на эту должность был Хебранг, но он отказался от нее в пользу Броза, так как считал, что секретарем должен быть пролетарий, тогда как он сам являлся банковским служащим. Это решение оказалось очень важным для самой многочисленной коммунистической организации в Королевстве СХС

⁵⁶ NSK. M. Krleža. «A» 210.

⁵⁷ *Bajt* A. Bermanov dosje. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1999. S. 782, 783.

⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 413; AS. Dediđer. Т. е. 7. Kardelj E. Tito na istorijskim raskršćima. S. 6.

⁵⁹ AS. Dediđer. Т. е. 111. Magnetofonska snimka. S. 25–27.

(в ней было около 180 членов), ведь уже через два месяца его правильность была подтверждена в открытом письме Коминтерна. Хотя эта «большевистская» политическая тенденция, направленная на создание внутрипартийных связей ленинского типа, устранение «фракционного кошмара» и активизацию работы в массах⁶⁰, не утвердилась в партии, ее сторонники, Броз и Хебранг, привлекли внимание полиции. Вскоре они попали в ее тиски⁶¹. Уже в 1927 г. «товарищ Георгиевич», как в то время звали Броза, был осужден за революционную деятельность на семь месяцев тюремного заключения, а 1 мая 1928 г. его снова арестовали – из-за акции протеста, организованной коммунистами на собрании Социалистической партии в кино-театре «Аполо». В группе зачинщиков беспорядков, которые во время торжества начали кричать «Долой социал-патриотов!», «Долой слуг капиталистов!» и устроили потасовки, был и Йосип. Его арестовали вместе с товарищами и осудили на 14 дней заключения. При этом на него было заведено личное дело, в котором отмечено, что его рост – 170 см, у него серые глаза, не хватает нескольких зубов, что он близорук и постоянно носит очки, и что ранее его поведение не вызывало нареканий⁶². Очевидно, в полиции не знали, с кем имеют дело. В июле и августе следующего года его снова арестовали, в последнем случае ему было предъявлено обвинение в попытке организации восстания с целью свержения ненавистного режима Карагеоргиевичей. В Загребе действительно начались забастовки, массовые демонстрации и беспорядки, в результате которых погибли несколько человек⁶³.

Казалось, наступил самый подходящий момент для революции: 20 июня 1928 г. в белградском парламенте было совершено убийство группы хорватских оппозиционных депутатов. В них стрелял черногорец Пуниша Рачич, член правящей Радикальной партии, считавший представителей Хорватской крестьянской партии смертельными врагами объединенного и жестко централизованного государственного строя. Среди его жертв был и харизматичный лидер партии, Степан Радич, который скончался от ран не сразу, а только в августе, после нескольких недель мучительной агонии. Согласно директивам Коминтерна, это кризисное время КПЮ выбрала для начала восстания: ее руководители, не имевшие никакой опоры в массах, взялись за дело со всем пылом неискренности⁶⁴. Из-за предательства в партийных рядах жандармерия их опередила и организовала ряд засад и обысков. К тому же, 4 августа 1928 г. – за пять дней до смерти Радича, – у Броза нашли «полностью заряженный» браунинг, на ношение которого у него не было разрешения, а в его конспиративной квартире – кроме марксистской литературы под кроватью – еще и сумку с боеприпасами и четыремя немецкими гранатами времен Первой мировой войны (впоследствии, защищаясь, он утверждал, что их ему подкинули, но это была неправда)⁶⁵. Его посадили в тюрьму, избили и потребовали, чтобы он дал ложные показания против товарищей. Он никого не выдал и из протеста начал голодовку, как и во время предыдущего заключения. Письмо Броза из тюрьмы, в котором он в преувеличенно ярких красках описал «мучения», которым его подвергали, 24 августа опубли-

⁶⁰ Dilas M. Tito. S. 99; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 270, 271; Simić P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 45; Simić P., Despot Z. Tito. Strogo poverljivo. S. 51; AS. Dedijer. T. e. 236. Pismo V. Dedijerja redakciji tednika «Danas» 28.07.1988.

⁶¹ KisićKolanovićN. Hebrang. Iluzije i otrežnjenja. Zagreb: Institut za suvremenu povijest, Biblioteka Hrvatska povjesnica, 1996. S. 24; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 143; Гуренко Ю. С. Сталин – Тито. С. 295; Supek I. Krunski svjedok protiv Hebranga. Chicago: Markanton Press, 1983.

⁶² AJ. 838. LF. III-11/8. Predmet sudjenja Brozu i dr. iztražni materjal. Kr. redarstveno Ravnateljstvo. 14. maja 1928.

⁶³ Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 232; Klinger W, Kuljiš D. Tito. Neispričane priče. S. 60–80.

⁶⁴ Deakin F. W Yugoslavia 1941–1945 (неопубликованная рукопись 1995 г., копию которой любезно предоставил автору Б. Горьян); The Military Organisation of the Yugoslav Communist Party (1918–1940). P. 5; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 153; Vol. II. S. 289; Vol. III. S. 51.

⁶⁵ NSK. Arhiv Bakaric. Kutija. 10. Razgovor Bakaric – Boško Šiljegovic 04.06.1981; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 279; Večer. 1928. 08.08; Simić P. Tito. Skrivnost stoletja.S. 46; AJ. 838. LF III-11/11. Predmet sudjenja Brozu i dr. istražni material; Klinger IE, KuljišD. Tito. Neispričane priče. S. 82.

ковал орган Коминтерна *Internationale Presse Korrespondenz* под заголовком «Крик из ада югославских застенков»⁶⁶.

В начале ноября он предстал перед загребским судом, и после громкого процесса, получившего претенциозное название «процесс бомбометателей», 14 ноября 1928 г. его приговорили к пятилетнему заключению. На слушаниях дела он вел себя так, как предписывал в подобных случаях Коминтерн: «Нужно стремиться только к одному. Не к тому, чтобы получить наименьшее наказание, а чтобы своим поведением поднять авторитет партии в глазах трудящихся масс»⁶⁷. В соответствии с этой директивой Броз мужественно заявил, что не считает себя виновным и не признает решений «буржуазного» суда, представляющего реакционные силы. «Да здравствует Коммунистическая партия! Да здравствует мировая революция!»⁶⁸ О вызывающем поведении Броза писали газеты, привлекло оно и внимание Москвы⁶⁹. Однако не всем его выступление пришлось по нраву. Август Цесарец, один из ведущих хорватских интеллектуалов, придерживавшийся левых взглядов, позже написал об этом в нелегальной газете *Proleter*. «Если этот молодой болезненно амбициозный коммунист возглавит КПЮ, для партии это станет трагедией»⁷⁰.

После оглашения приговора Броз провел в загребской тюрьме еще несколько дней. Товарищи пытались его освободить и с помощью сочувствующего коммунистам охранника тайком передали ему в камеру напильник, спрятанный в буханке хлеба. Броз перепилил им пять из шести железных прутьев решетки на окнах своей камеры, и никто этого не заметил. Когда он собирался перепилить последний, его перевели в другую камеру и вскоре отправили в Лепоглаву в Хорватском Загорье, которая с 1854 г. являлась крупнейшей тюрьмой бановины. Охранник, который пытался помочь Брозу, попал под подозрение властей и при содействии Коммунистической партии сбежал в Советский Союз. Через несколько лет его обвинили в том, что он является агентом югославской полиции, и приговорили к смертной казни⁷¹. Вскоре Броз стал уважаемым человеком среди коммунистов, вместе с которыми он отбывал заключение в Лепоглаве, Мариборе (здесьняя тюрьма имела репутацию «самой жестокой тюрьмы Александра») и Огулине. Уважение он заслужил в первую очередь благодаря своему корректному поведению и усердию в изучении марксизма-ленинизма, чему тюремный режим не смог или не сумел воспрепятствовать. Устраивая голодовки, заключенные добились, чтобы их поместили в общие камеры, что дало им возможность «превратить тюрьму в школу». Необходимую литературу им передавали тайно, и помощь в этом оказывали даже обычные уголовники. Так в тюремных заключениях формировалось новое поколение руководителей – Йосип Броз, Моше Пияде, Андрия Хебранг, Александр Ранкович, Милован Джилас. Все они интенсивно занимались изучением теории марксизма и военной тактики, необходимой для проведения будущей революции⁷². В годы заключения, о которых он вспоминал с шутиливой непринужденностью⁷³, Броз стал профессиональным революционером, что верно отметили еще в мариборской тюрьме: в его личном деле в строке «профессия» записали: «преступная: коммунист»⁷⁴.

⁶⁶ AJ. 837. KPR. IV-5-a. K 38. TV serija «Iz Titovih memoara»; Гуренко Ю. С. Сталин – Тито. С. 30; Ridley J. Tito. A Biography. P. 98, 99.

⁶⁷ KisičKolanovičN. Hebrang. S. 29; Dedijer V. Novi prilozii. Vol. II. S. 267 и далее; Večer. 1928. 07.11.

⁶⁸ NSK. Arhiv Bakaric. Kutja 22. Novosti. 1928. 08.01; Dedijer V. Novi prilozii. Vol. I. S. 154–175; Vol. II. S. 276; Večer. 1928. 09.11; Stefanovič M. Podpis: Tito. «Bila sva Titova šifranta». Pripoved Branke in Pavleta Savica. Zagreb: Globus, 1980. S. 180.

⁶⁹ Večer. 1928. 14.11; 15.11; Damjanovič P. Originalnost i teškoce Titovog puta //Borba. 1976. 25.05.

⁷⁰ Kranjc M.F. Zarote in atentati na Tita. Grosuplje: Grafis Trade, 2004. S. 127.

⁷¹ Ridley J. Tito. A Biography. P. 102.

⁷² Deakin F. W. Yugoslavia. P. 6; Dedijer V. Novi prilozii. Vol. II. S. 284, 285; Vol. III. S. 608; Dilas M. Memoir of a Revolutionary. New York: Harcourt Brace Jovanovich Publishers, 1973. P. 190, 191; Klinger Wi, KuljišD. Tito. Neispričane priče. S. 88 и далее.

⁷³ AJ. 837. KPR. IV-5-b. K 49. Sjećanje J. B. Tita na dane provedene u Lepoglavi i Mariboru, kao i neke događaje iz NOB. Zabeleška J. Vilfana, 01.12.1953; Sjećanje Tita na robiju i literaturu koju je tada citirao. Zabeleška J. Vilfana, 21.12.1953.

⁷⁴ AJ. 838. LF III-11/12. Pismo Borisa Kraigera – Ivonku Brkiču, kojim šalje evidentičnu polu predstojništva mestne policije u

Несмотря на тяготы заключения, тюрьма, вероятно, спасла Брозу жизнь. Уже через несколько недель после вынесения ему приговора, 6 января 1929 г., король Александр распустил парламент, отменил Видовданскую конституцию и ввел в стране диктатуру. Правительство возглавил один из его самых зловещих приспешников, генерал Петар Живкович. Король и его первый министр считали, что Королевством СХС, переименованным в Югославию, можно править только твердой рукой, и претворяли это убеждение в жизнь. Была запрещена деятельность всех партий и объявлена бескомпромиссная борьба против всех оппозиционных сил: как косовских албанцев, так и македонских сепаратистов, хорватских националистов – и умеренных, и крайних (усташей) – и коммунистов. С 1929 по 1931 г. в тюрьмы попало около 10 тыс. представителей левых партий и других оппозиционеров. Как минимум сто самых преданных и боевых членов КПЮ замучили до смерти только в белградской «Главняче», а ведь тюрьмы были забиты «политическими» и в Лепоглаве, Митровице, Мариборе, Зенице, Нише, Пожаревце и Скопье: всего 1200 человек, среди них – почти тысяча коммунистов, осужденных на заключение сроком от одного года до 15 лет⁷⁵. Те, кто не умер во время допросов или не был застрелен при «попытке к бегству», могли считаться счастливыми, поскольку за решеткой они хотя бы сохранили жизнь.

По окончании срока в марте 1934 г. 42-летний Йосип Броз, в соответствии с требованиями закона к отбывшим наказание заключенным, вернулся в родной Кумровец, но вскоре снова занялся нелегальной политической деятельностью в Белграде и Беловаре. Уже в июле он по заданию партии эмигрировал в Австрию, чтобы попытаться нормализовать отношения между руководителями хорватских коммунистов и центральным комитетом КПЮ, который из-за полицейских репрессий короля Александра I с 1929 г. работал в эмиграции в Вене. Там местные коммунисты в начале 1930-х гг. еще имели возможность помогать югославским товарищам⁷⁶. С альпинистским снаряжением и с удостоверением хорватского общества альпинистов Броз нелегально перешел границу у Тржича. В Каринтии он сразу попал в трудное положение, поскольку именно в те дни произошел нацистский путч с целью свержения клерикального правительства канцлера Энгельберта Дольфуса⁷⁷. Когда он всё же добрался поездом до Вены, жившие там «товарищи» накинулись на него, «как пчелы на мед», стремясь получить сведения о положении на родине и в партийных организациях. Он встретился с ними в кафе и при виде «полудюжины мужиков с бегающими глазами» внутренне ужаснулся. Броз говорил спокойно, просто и четко. Рассказал им, что ни один искренний коммунист в Югославии из всех, кого он встречал в тюрьме или на воле, не доверяет ЦК КПЮ. «Горкич – генеральный секретарь партии – подкручивал рыжие усы. Они ему не шли, подчеркивали его бледность». Он перебил Броза, грубо выругавшись⁷⁸.

Несмотря на неприязненный прием, венские «товарищи» 1 августа 1934 г. кооптировали Броза в политбюро, а на IV Общеюгославской конференции КПЮ, состоявшейся в конце декабря в Любляне, он был избран в центральный комитет, хотя обратная последовательность была бы логичнее⁷⁹. В члены ЦК его выдвинул молодой хорватский коммунист Иван Краячич – Стево, член загребского городского комитета, с которым Броз всю жизнь поддерживал близкие контакты⁸⁰. В то время КПЮ возглавлял Йосип Чижинский, более известный под псевдонимом Милан Горкич – Зоммер. Он был чешско-польского происхождения, но родился в Боснии. Югославские реалии он знал неважно, так как в 1922 г., в возрасте 19 лет, уехал в

Mariboru policyski karton Josipa Broza sa fotografijama.

⁷⁵ Adamič L. Orel in korenine. S. 375, 376.

⁷⁶ Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 205, 207; Vol. II. S. 70.

⁷⁷ Ibid. Vol. III. S. 52; Гуренко Ю. С. Сталин – Тито. С. 36.

⁷⁸ Adamič L. Orel in korenine. S. 401; Očak I. Gorkič. Život, rad i pogibija. Zagreb: Globus, 1988. S. 221.

⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 161; Simič P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 57; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 210; Vol. III. S. 167.

⁸⁰ AS. Dedijer. T. e. 261. Pričevanje V. Bakarič 08.06.1981.

Москву, где работал в разных учреждениях Коминтерна. У него были тесные связи с тайной полицией и «высшими кругами», недоступными простым смертным. Он женился на девушке из этих привилегированных слоев, являвшейся директором знаменитого московского Парка культуры. Естественно, он стал самовлюбленным бюрократом высшего ранга, и в 1932 г. его назначили генеральным секретарем КПЮ. Он оказался во главе партии, в которой было всего около 3 тыс. членов, и большинство из них находились в тюремном заключении или жили в эмиграции. Среди них было немало провокаторов, предателей и агентов полиции. Партийная верхушка превратилась в настоящее змеиное гнездо, где все подозревали всех и доносили друг на друга в Коминтерн, зная, что в Москве найдутся любознательные слушатели. Не случайно в Коминтерне ходил анекдот, что два югослава представляют три фракции, которые настолько враждуют и грызутся между собой, что забывают о классовом враге⁸¹.

Поскольку Броз на основании личного опыта убедился в том, что необходимо нормализовать обстановку внутри партии, 2 августа 1934 г. он написал для центрального комитета доклад, в котором подчеркнул, что необходимо покончить с абстрактным политизированием, укрепить связи с рабочими массами и начать восстание. Этот документ он впервые подписал псевдонимом «Тито» – именем, довольно распространенным в его родном Загорье⁸².

Хотя Броз хотел поехать в Москву – встретиться с женой и ребенком, которые вернулись в Советский Союз после того, как его приговорили к тюремному заключению, и поступить в Ленинскую школу, – Горкич решил иначе. Уже через две недели он послал его в Дравскую бановину, в которую входили словенские земли, чтобы он вместе с местными товарищами организовал областную и IV партийную конференции. Первая из них прошла в сентябре в резиденции люблянского епископа Рожмана (его сводный брат симпатизировал коммунистам)⁸³. Вторая состоялась в декабре в Любляне, и на ней присутствовало 11 делегатов под председательством Горкича. Броза среди них не было, поскольку по правилам тот, кто занимался организацией конференции, из соображений безопасности не должен был принимать в ней участие⁸⁴. Во всяком случае, так утверждал Горкич, Тито же позже говорил, что это была пустая отговорка, Горкич просто не хотел, чтобы он путался у него под ногами. В обоих случаях речь шла о важных встречах, которые должны были положить конец сектантским спорам и способствовать обновлению партии, которой следовало установить более тесную связь с массами, среди которых она проводила работу. С этой целью и, конечно, с благословения Москвы было принято решение создать в рамках КПЮ две автономные партии: Словении и Хорватии.

Уже в сентябре Броз вернулся в Вену, откуда Горкич скоро снова послал его в Югославию, на этот раз в Загреб, с заданием организовать совещание хорватов по поводу партийной конференции. Эти обременительные поручения с самого начала обострили отношения между ними: Броз заподозрил, что генеральный секретарь намеренно подвергает его опасностям, так как практически сразу после выхода из тюрьмы посылает заниматься нелегальной работой, для которой он после длительной изоляции не подходил. Как ему казалось, Горкич, несмотря на образцовый образ жизни, был слишком доверчив по отношению к людям из своего окружения, т. е. в сущности не приспособлен к конспиративной деятельности. Помимо того, он, по мнению Броза, недооценивал товарищей, работавших в Югославии, и старался задвинуть их на второй план, чтобы им не досталось денег из фондов, выделявшихся Коминтерном для КПЮ⁸⁵. «Я чувствовал сильное отвращение ко всему этому...»⁸⁶ Естественно, своих мыслей он Горкичу

⁸¹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 413.

⁸² Гуренко Ю. С. Сталин – Тито. С. 38.

⁸³ *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. I. S. 211.

⁸⁴ AS. *Dedijer*. Т. е. 111. Magnetofonska snimka. S. 50, 51.

⁸⁵ *Eiletz S. Titova skrivnostna leta v Moskvi 1935–1940*. Celovec: Mohorjeva, 2008. S. 29, 43, 44; *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. III. S. 52.

⁸⁶ Spomini tovariša Tita na slavno preteklost. Viri revolucionarnih sil // Slovenski poročevalec. 1959. 17.04.

не поверял и внешне сохранял с ним корректные отношения⁸⁷. Броз через много лет высказал Луису Адамичу то, что на самом деле думал о Горкиче, заметив, что самыми красными в нем были волосы и усы⁸⁸.

В конце 1934 г. от имени политбюро, собравшегося в Брно, Йосип разослал всем областным комитетам КПЮ и Союза коммунистической молодежи Югославии (СКМЮ) директивы по подготовке вооруженного восстания в стране, в которой тем временем вновь разразился сильный кризис. 9 октября произошло убийство короля Александра I. В начале его официального визита во Францию, в Марселе, его застрелил македонец, связанный с вождем хорватских усташей Анте Павеличем. Поскольку казалось, что пробил последний час династии Карагеоргиевичей, Броз, не колеблясь, посоветовал от имени КПЮ, чтобы партийные вооруженные группы установили контакты даже с самыми шовинистическими организациями; он был убежден, что только так можно будет свергнуть враждебный монархический режим⁸⁹. Но из этой муки не удалось испечь хлеба, поскольку князь Павел, после смерти двоюродного брата ставший регентом при его малолетнем сыне Петре II, сумел взять ситуацию под контроль. Вместо того чтобы продолжать подготовку революции на родине, Броз в середине февраля 1935 г. получил разрешение уехать в Москву. Он отправился туда, поскольку загребские нелегалы были убеждены, что в ближайшие годы в Югославии будет чрезвычайно трудно: по сравнению с 1929–1931 гг. террор ужесточится. Поэтому руководящие кадры, которые не находятся в тюремном заключении, что было бы относительно безопасно для их жизни, должны покинуть страну. Как можно большему их числу следует поехать в Советский Союз и использовать возможность по мере сил подготовиться там к близящемуся кризису⁹⁰. Перед отъездом Броз чуть не попал в руки венской полиции. Он нелегально жил у одной пожилой еврейки, дочь которой попыталась отравиться газом. Броз спас ее в последний момент, но тут пришли жандармы, которые потребовали у него удостоверение личности. Он еле ускользнул от них⁹¹.

⁸⁷ Eiletz S. Titova skrivnostna leta. S. 189.

⁸⁸ Adamič L. Orel in korenine. S. 395.

⁸⁹ Simič P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 57, 58.

⁹⁰ Adamič L. Orel in korenine. S. 415.

⁹¹ AS. Dedijer. T. e. 51. Titove primedbe na rukopis Priloge za biografiju; Adamič L. Orel in korenine. S. 417; Klinger W, Kuljiš D. Tito. Neispričane priče. S. 126.

В Москве

Броз приехал в страну победившего пролетариата в убеждении, что в ней правят «любовь, товарищество и искренность»⁹², с хвалебным рекомендательным письмом от Горкича, адресованным Владимиру Чопичу – Сенько, одному из организаторов КПЮ, работавшему в Коминтерне: «Он является представителем лучшей части нашего рабочего актива и через некоторое время, шесть-девять месяцев, мы выдвинем его на руководящую должность в ЦК»⁹³. Несмотря на то что Чопич видел в Брозе возможного конкурента, он выхлопотал для него комнату № 275 в отеле «Люкс», построенном в стиле русского модерна. От прежней роскоши там осталось только название, поскольку после революции его заполнили прибывшие в Москву иностранные коммунисты. В нем кишмя кишели крысы и всё пропиталось запахами от общих кухонь (их было по две на каждом этаже)⁹⁴.

Первым делом Брозу поручили написать автобиографию, как это было принято в Коминтерне⁹⁵. Он писал ее много раз, чтобы чиновники из отдела кадров могли сопоставить разные версии и таким образом проверить ее достоверность. Затем, по заданию некоего Якубовича, представителя ГПУ (Главного политического управления) при Исполкоме Коминтерна, личность которого до сих пор не удалось идентифицировать, и болгарского коммуниста Ивана Караиванова – Шпинера, сотрудника отдела кадров, он написал подробные характеристики семи видных югославских партийцев, в том числе и Горкича. С этой задачей он справился хорошо, поскольку с подкупающей чистосердечностью отметил достоинства, а также ошибки оцениваемых «товарищей», причем только о Чопиче, от которого он зависел, осмотрительно отозвался исключительно положительно. (На самом деле он считал его «бахвалющейся бабой»⁹⁶). В благодарность последний предложил своему начальству послать Броза для восстановления здоровья в санаторий. По мнению российского историка В. Н. Бондарева, детально исследовавшего московский период деятельности Тито, возможно, это был «санаторий» «Люблянка». Там агенты НКВД – этого «горького плода пролетарской революции» – добровольно или принудительно вербовали самые перспективные «кадры» из рядов приехавших в Москву коммунистов⁹⁷. Когда Тито вернулся, Караиванов 21 мая 1935 г. дал письменную гарантию, «что Броз в политическом плане заслуживает полного доверия»⁹⁸. Это подтвердили также Чопич и влиятельный начальник отдела кадров болгарин Георгий Дамьянов, более известный под псевдонимом А. Белов, хотя последний изначально не был к нему расположен. Исполком Коминтерна затем предложил ЦК КПЮ назначить «товарища Вальтера» – как его называли – своим «политическим референтом» в Балканском секретариате, который возглавлял известный немецкий коммунист Вильгельм Пик. ЦК КПЮ согласился с этим предложением⁹⁹.

В то время во главе Коминтерна стоял легендарный Георгий Димитров, болгарский революционер, один из обвиняемых на процессе о поджоге рейхстага в Берлине, оправданный благодаря своему мужественному и эффектному выступлению перед немецкими судьями. Эмигрант из Югославии вскоре заручился его поддержкой: его считали полностью преданным коммунистом, одним из редких югославов, годных для практической работы, хотя и недоста-

⁹² *Dedijer V. Novi prilozhi. Vol. I. S. 218.*

⁹³ *Simič P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 58; Dedijer V. Novi prilozhi. Vol. I. S. 219.*

⁹⁴ *Dedijer V. Novi prilozhi. Vol. II. S. 306.*

⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 27, 21. С. 290–297; Оп. 277. Д. 21.

⁹⁶ *Dedijer V. Novi prilozhi. Vol. III. S. 56.*

⁹⁷ *Bondarev V.N. Misterija Tito. Moskovske godine. Beograd: Čigoja štampa, 2015. S. 84, 85.*

⁹⁸ *Eiletz S. Titova skrivnostna leta. S. 32, 99; Čosič D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 178; Bondarev V.N. Misterija Tito. S. 84–87.*

⁹⁹ *Simič P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 62; Klinger IT., Kuljiš D. Tito. Neispričane priče. S. 126.*

точно подкованным в теории марксизма-ленинизма¹⁰⁰. Несмотря на это, он стал внештатным преподавателем в югославском секторе Международной Ленинской школы и в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада (КУНМЗ), а вскоре и членом представительства КПЮ в Коминтерне. Опыт, полученный в Лепоглаве и других тюрьмах, где он отбывал заключение, укрепил его убеждение, что КПЮ не сможет выйти из охватившего ее кризиса, если не преодолеет раздиравшие ее внутренние распри. Броз увидел, что в югославской колонии в Москве, насчитывавшей приблизительно 900 человек (только членов ЦК КПЮ и различных группировок было около 50), обстановка такая же, как в тюрьме¹⁰¹. Впоследствии он рассказывал, что избегал общества, отчасти потому, что любил уединение, отчасти же из-за того, что понимал – он должен следить за тем, что говорит. «Особенно в помещениях, где находились телефонные аппараты»¹⁰². Он всецело посвятил себя работе и еще проходил обучение на курсах техники руководства и конспирации, организованных Коминтерном в Москве¹⁰³. «Это время я использовал прежде всего для обучения; мой путь пролегал только от отеля “Люкс” до здания Коминтерна, возможно, это и спасло меня от ножа Сталина»¹⁰⁴. О его сдержанном поведении рассказывает в своих воспоминаниях об отеле «Люкс» Рут фон Майенбург, жена австрийского коммуниста Эрнста Фишера. «По длинным коридорам Тито прошмыгивал тихо, как мышь. Никто из соседей не обращал внимания на молчаливого товарища, который почти ни с кем не разговаривал и в одиночестве шел своей дорогой. Югославы вообще жили в замкнутом конспиративном мире, редко кому из иностранных товарищей дозволялось заглянуть в него. Даже Балканская секция в здании Коминтерна на улице Моховой совещалась за закрытыми дверями»¹⁰⁵.

Броз прибыл в Москву всего через три месяца после того, как убийство С. М. Кирова, руководителя Ленинградского обкома ВКП(б), дало Сталину повод начать массовые чистки, направленные против «заговорщиков» – ведущих большевиков. Неизвестно, разделял ли он убеждения младшего поколения югославских коммунистов, которые, находясь на родине, наивно верили каждому слову А. Я. Вышинского, главного обвинителя на московских процессах, и объявляли классовым врагом и троцкистским шпионом каждого, кто казался им подозрительным¹⁰⁶. В любом случае, ему удалось избежать гибели, хотя некоторые написанные им «характеристики» товарищей не соответствовали тем, которыми располагал НКВД¹⁰⁷. Столкнувшись со сталинским террором, Броз научился многому, прежде всего тому, как работают механизмы революции и власти. Он воспринял его как необходимое средство воплощения в жизнь нового общественного устройства и тем самым морально скомпрометировал себя, но в то же время определил главные вехи своего жизненного пути. Джилас так описал метаморфозу, произошедшую с «Вальтером» в ранний период его московской жизни: «Революционер Йосип Броз <...> лишь теперь понял, что, хотя революционные институты и методы неотделимы от идеи, они – важнее ее, даже важнее, чем сама революция»¹⁰⁸. Нехватка серьезного образования избавила его от сомнений, скепсиса, способности к критической оценке. Савка Дабчевич-Кучар даже говорила, что под лозунгом коммунистической морали в ее макиавеллистском варианте, согласно которому цель оправдывает средства, он отошел от традиционных

¹⁰⁰ TNA. FCO 28/2118.

¹⁰¹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 413.

¹⁰² Dilas M. Tito. S. 74; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 53.

¹⁰³ Bebler A. Pismo // Mladina. 2009. № 26; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 53; Adamič L. Orel in korenine. S. 420. Адамич считает, что он не посещал занятий в какой-либо коминтерновской или военной школе.

¹⁰⁴ Spomini tovariša Tita na slavno preteklost. Viri revolucionarnih sil // Slovenski poročevalci. 1959. 17.04.

¹⁰⁵ Mayenburg von R. Hotel Lux. Munchen: C. Berhtelsmann Verlag, 1978. S. 200.

¹⁰⁶ Vlahovič V. Strogo pov. S. 146, 147; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 445.

¹⁰⁷ Dilas M. Tito. S. 85.

¹⁰⁸ Eiletz S. Titova skrivnostna leta. S. 33.

ценностей и с легкостью их отринул. Порядочность, преданность, дружба, fair play¹⁰⁹, честь – все эти понятия были для него мелкобуржуазным хламом¹¹⁰. В противовес этой резкой характеристике следует привести замечание, высказанное Тито в интервью для журнала «Коммунист» 15 апреля 1959 г.: Сталин посредством Коминтерна «уничтожил революционный облик коммунистов и создал коммуниста-слабака»¹¹¹. А также, конечно, свидетельство Эдварда Карделя, сотрудничавшего с Вальтером в Москве в середине 1930-х гг. Он вспоминал, что Броз во время «Большого террора» приложил много усилий, чтобы отослать как можно больше югославских эмигрантов из Советского Союза на нелегальную работу на родину или, если речь шла о младших товарищах, в интернациональные бригады в Испанию, где в июле 1936 г. началась гражданская война. Тем самым он спас их от гибели¹¹². Как известно, Советский Союз решил поддержать республиканскую власть в Мадриде, против которой организовали вооруженное восстание правые генералы во главе с Франсиско Франко. Вальтер с энтузиазмом поддержал эту политику – еще и потому, что думал: Испания может стать отличной школой для подготовки военных и политических кадров¹¹³. Так и вышло, ведь в состав интернациональных бригад вошли примерно 1650 югославов. Несмотря на то что почти половина из них пали, защищая Республику, во время Второй мировой войны ни в какой другой коммунистической партии не было столько «испанцев», как в КПЮ. Они возглавили партизанское восстание¹¹⁴.

В июле и августе 1935 г. Броз с помощью Горкича стал участником VII «всемирного» конгресса Коминтерна. Он являлся делегатом с совещательным голосом, хотя никого из руководства КПЮ это не устраивало. В ответе на вопрос многоязычной анкеты, которую должны были заполнить все делегаты, под каким псевдонимом он работает в партии, он написал два: «Тито» и «Руди». На вопрос, под каким псевдонимом он принимает участие в конгрессе, он ответил: «Вальтер Фридрих». Из тридцати псевдонимов, которыми он пользовался в своей жизни, «Тито» и «Вальтер» были для него самыми значимыми. Он вписал в анкету неверный год рождения – вместо 1892 указал 1893 г. – и немного солгал, записав в графе об образовании: «начальное, частично среднее». Также он погрешил против истины, заявив, что работает «механиком» начиная с 1910 г. По фотографии, которую он сделал для анкеты, видно, что он уже давно не работал по этой специальности, на ней он скорее похож на молодого доцента университета, чем на пролетария¹¹⁵. На конгрессе он впервые увидел Сталина, но издалека и мельком. В зале, где проходило заседание, тот появился только один или два раза и сидел за мраморной колонной. «То ты меня видишь, то не видишь», – позднее с усмешкой рассказывал Тито¹¹⁶.

VII Конгресс Коминтерна имел большое значение, поскольку на нем произошла смена политического курса: Москва приняла решение, что международное рабочее движение должно коренным образом изменить свою тактику, основанную на тезисе, что у коммунистов нет политических друзей – ни социалисты, ни социал-демократы (до конгресса их обзывали «социал-фашистами») ими не являются. Из-за угрозы нацизма, возникшей после прихода Гитлера к власти, руководители СССР пришли к выводу, что не стоит маршировать к светлому будущему без союзников, более того, необходимо искать их везде где возможно, как среди социал-

¹⁰⁹ Честная игра (англ.)

¹¹⁰ Dabčević-Kučar S. 71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 863.

¹¹¹ National Archives and Records Administration, Washington (NARA), CIA, Records Search Tool (CREST), Laserfiche, Bi-Weekly Propaganda Guidance, 11.05.1959. Tito throws down the gauntlet.

¹¹² Edvard Kardelj. Skica za monografiju / Ur. M. Poč. Ljubljana: Delo, 1979. S. 15; AS. Dedijer. T. e. 7. E. Kardelj. Tito na istorijskim raskršćima. S. 11.

¹¹³ AS. Dedijer. T. e. 242. Kopja iz memoarov druga M. Dilasa. S. 46.

¹¹⁴ Beric G. Zbogom XX. stolece. Sećanja Ive Vejvode. Zagreb: Profil knjiga, 2013. S. 216.

¹¹⁵ РГАСПИ. Ф. 494. Оп. 1. Д. 494.

¹¹⁶ AS. Dedijer. T. e. 111. Magnetofonska snimka. S. 55.

демократов, так и в рядах католических и даже националистических и консервативных партий. Речь шла о политике «народного фронта», которая предусматривала формирование единого блока антифашистских сил. Ожидалось, что он обеспечит безопасность Советского Союза перед лицом гитлеровской угрозы и подготовит условия для второго этапа революции. В этом контексте преобладало убеждение, что в деле защиты родины пролетариата принесет пользу и Югославия, уже не как санитарный кордон вокруг большевизма, а как заслон, выставленный СССР вместе с другими государствами Средней и Юго-Восточной Европы перед Гитлером. Хотя еще на областной конференции в декабре 1934 г. высказывалось мнение, что королевство Карагеоргиевичей необходимо разрушить, КПЮ, конечно, сразу же приняла новую линию. Ее ЦК констатировал, что остается верен принципу самоопределения народов и их права на отделение, но, «учитывая современное международное положение», считает нужным сохранить Югославию. Любые действия в противоположном направлении были бы на пользу фашизму и его военным планам¹¹⁷. Политбюро разъяснило эту позицию в письме, адресованном всем руководящим структурам КПЮ, и никто открыто не выразил несогласия. Однако преодолеть настроенное отношение многих «товарищей» к Югославии было совсем не просто¹¹⁸.

Что касается Вальтера, то во время VII Конгресса возникла конфликтная ситуация. В середине августа встал вопрос, кто станет новым постоянным представителем КПЮ в Исполкоме Коминтерна. Группа делегатов, неожиданно приехавшая в Москву из Югославии, предложила, чтобы эту престижную должность занял Броз, хотя среди членов ЦК у него был наименьший партийный стаж. В партийных верхах произошла жаркая дискуссия, в результате которой все, включая и Горкича, поддержали кандидатуру Вальтера. Однако это был просто маневр. Горкич и его окружение сразу же выразили свой протест Дмитрию Захаровичу Мануильскому, представителю Сталина в Коминтерне, аргументируя его тем, что избрание Броза укрепит «фракционность» в партии. Мануильский, близкий друг Горкича, очень рассердился и не утвердил решения югославской делегации. Он сказал: «Раз вы не выбрали Горкича, единственного из вас, кому Коминтерн доверяет, мы не позволим вам иметь своего члена в Коминтерне, только кандидата; и этим кандидатом будет Горкич. Пусть это послужит вам наказанием»¹¹⁹. Это был первый знак, свидетельствовавший о том, что КПЮ не пользуется большим авторитетом в Москве. Позже Тито рассказывал: «Тогда я заметил, что что-то в отношении к нам было неладно. Должно быть, без черта не обошлось. Димитров как-то спросил меня: “Скажи мне, Вальтер, у вас вообще есть партийные организации?” Я ответил, что есть. В ответ он сказал, что получает донесения, из которых можно заключить, что в нашей стране нет партийных организаций. О нашей партии судили по ее руководству в Вене. А в Вене все настолько переругались, что это был настоящий позор»¹²⁰.

Конфликт, о котором говорил Вальтер, явился следствием политики, которую пытался проводить Горкич после недавнего конгресса Коминтерна. Он полагал, что в новых, более либеральных условиях, сложившихся в Югославии после убийства короля Александра, было бы целесообразно достичь договоренности с другими оппозиционными силами, которые заявили о себе на выборах в мае 1935 г. и добились на них успеха. Для осуществления этой цели он даже был готов заключить союз с социалистами и создать с ними единый блок. Хотя казалось, что с приходом к власти нового премьера Милана Стоядиновича полицейское давление на левых немного уменьшится и хотя социалисты приняли радикальную программу,

¹¹⁷ *Bajt A. Bermanov dosje. S. 784, 870–874; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 140.*

¹¹⁸ *Cencič V. Titova poslednja ispovijest. S. 73; Чолакович Р. Записки об освободительной войне в Югославии. М.: Прогресс, 1965. С. 43.*

¹¹⁹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 53; Spomini tovariša Tita na slavno preteklost; AS. Dedijer. T. e. 111. Magnetofonski snimak. S. 55, 56; Adamič L. Orel in korenine. S. 425.*

¹²⁰ *Spomini tovariša Tita na slavno preteklost.*

открывавшую путь к сотрудничеству между партиями, другие члены ЦК всё же воспротивились политике такого тесного союза¹²¹.

Вальтер тем временем залечивал рану, нанесенную его самолюбию, так что в конце августа и первой половине сентября он сопровождал югославских делегатов в их длительном путешествии по Советскому Союзу. Они осмотрели крупные заводы и колхозы и отправились на Урал. Их разочаровало многое из того, что они увидели. Но они оправдывали всё отсталостью России и огромными трудностями, с которыми она сталкивалась, находясь во враждебном мире. Так же думал и Броз: «Мой революционный долг тогда заключался в том, чтобы не критиковать это и не помогать иностранной пропаганде против этой страны, ведь в то время СССР был единственной страной, где свершилась революция и где было необходимо построить социализм. <...> Я чувствовал сильное внутреннее отторжение того, что видел, но я оправдывал русских коммунистов, полагая, что невозможно быстро всего достичь, хотя с октября 1917 г. прошло уже довольно много времени, более семнадцати лет...»¹²²

А в Югославии всё еще шла ожесточенная борьба между внутривластными фракциями. Поскольку югославской полиции удалось посадить в тюрьмы несколько видных коммунистов, которые на допросах выдали товарищей, зимой 1935/1936 г. начались массовые аресты. Бывали периоды, когда за стенами находилось от 60 до 70 % всех членов партии, так что она была истреблена почти под корень, особенно в Черногории, Далмации, Хорватии, Славонии, Сербии, Македонии, Боснии и Герцеговине¹²³. Стало понятно, что надежда на либерализацию, возникшая в связи с приходом к власти Стоядиновича, была необоснованной, что дало оппозиции козыри против Горкича. В апреле 1936 г. он был вынужден срочно созвать Пленум ЦК КПЮ, не сообщив об этом заранее Коминтерну и не дождавшись прибытия его представителя. В Москве это вызвало сильное недовольство, как и то, что на Пленуме он не смог добиться принятия директив VII Конгресса Коминтерна о создании народного фронта. Члены КПЮ, присутствовавшие на Пленуме, приняли ряд резолюций о работе и тактике партии, в которых отвергалась любая возможность сотрудничества с социалистами, и Горкич оказался в изоляции¹²⁴. В связи с этим секретариат Коминтерна 15 августа 1936 г. сформировал «большую комиссию» для подготовки доклада по «югославскому вопросу». На заседании Димитров выступил с критикой обстановки в КПЮ, отметив, что следует найти другие формы (работы), чтобы югославская партия заняла правильную позицию по всем вопросам. Нельзя допустить, чтобы Югославия стала фашистским государством¹²⁵. Решения апрельского пленума были признаны недействительными и было решено сменить руководство партии. Старания Горкича достичь соглашения с силами оппозиции в Коминтерне учли, однако стали задаваться вопросом, способен ли он овладеть ситуацией и не ошибся ли, с самого начала не попросив у Москвы совета, как проводить правильную политику¹²⁶.

В середине марта 1936 г. Вальтер перестал работать в Коминтерне. Причины этого не вполне ясны, но, по всей видимости, он тогда прослушал курс лекций о тактике ведения партизанской войны, организованный Коминтерном в так называемой «партизанской гимназии» в Рязани. Тем временем началась гражданская война в Испании, и Советский Союз принял

¹²¹ Swain G. R. Tito: the Formation of a Disloyal Bolshevik // International Review of Social History. 1989. Vol. XXXIV. No. 2. P 250, 251.

¹²² Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 223, 224; Vol. III. S. 53, 189; Гуренко Ю. С. Сталин – Тито. С. 46; Bondarev V.N. Misterija Tito. S. 120–126.

¹²³ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 413; Ф. 539. Оп. 3. Д. 1390. С. 19; Ф. 495. Оп. 74. Д. 584. С. 78; Clissold S. Dilas. The Progress of a Revolutionary. London: Maurice Temple Smith, 1983. P 29; Чолакович П. Записки. С. 41.

¹²⁴ Swain G. R. Tito: the Formation. P. 251; Očak I. Gorkič. S. 244.

¹²⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1109. С. 4–6; Klinger I Y., Kuljiš D. Tito. Neispričane priče. S. 131.

¹²⁶ Swain G. R. Tito: the Formation. S. 251; Idem. Tito and the Twilight of Comintern / Eds. T Rees, A. Thorpe // International Communism and the Communist International, 1919–43. Manchester: Manchester University Press, 1998. P 209.

в ней участие на стороне республиканского правительства. Сталин провозгласил: «Дело Испании – это дело всего прогрессивного человечества». Поскольку было необходимо остановить «контрреволюцию» путчиста генерала Франсиско Франко, пользовавшегося поддержкой Гитлера, Муссолини и Ватикана, он приветствовал отъезд на испанский фронт свободомыслящих добровольцев, объединенных в интернациональные бригады. Обязанностью Вальтера стала их вербовка в Югославии, где он появился в августе 1936 г. в облике элегантного австрийского туриста, направляющегося в Далмацию¹²⁷. А уже в конце месяца он вернулся в Москву, поскольку известно, что он принял активное участие в обсуждении внутреннего положения в КПЮ. Он предоставил кадровикам ИККИ ряд сведений «о членах и кандидатах в члены ЦК», при этом не скупился на критические замечания, хотя и не скрывал их положительных качеств. Во всяком случае, он никого не обвинил в троцкизме, что в те времена в Москве было бы смертельно опасно. На основе разработанных предложений комиссия под председательством Димитрова 19 сентября приняла решение перевести оперативное руководство КПЮ на родину, а за границей оставить только представительство, которое должно осуществлять связь с Москвой, работать среди эмигрантов и издавать партийную литературу. Секретариат поручил Мануильскому и отделу кадров подготовить проект по вопросу о составе партийного руководства¹²⁸.

Через неделю, 25 сентября, секретариат ИККИ, во главе которого тогда стоял Эрколи (Пальмиро Тольятти), обсудил вопрос о «вине руководящих товарищей» КПЮ в сложившихся обстоятельствах и назначил для расследования этого дела особую комиссию в составе трех человек¹²⁹. Вальтер 16 октября написал для нее длинное донесение, в котором подверг критике кадровую политику, проводившуюся до того времени партийным руководством. Он считал, что на ключевые посты, имевшие решающее значение для работы на родине, оно выдвигало не проверенных людей, а тех, о ком имело сведения из вторых рук. Поэтому среди них оказались корыстные люди и провокаторы. Также ЦК вовремя не отозвал партийцев, находившихся под угрозой ареста, что привело к тому, что на допросах они «предали». Вину за всё это он возлагал главным образом на Горкича, который слишком легковверен и ставит палки в колеса людям, желающим работать. Для исправления положения в партии он предлагал, чтобы за отбор кадров отвечали максимум два члена Политбюро, которые должны позаботиться о назначении на ключевые посты зрелых товарищей, заслуживающих доверия не только из-за политических убеждений, но и благодаря своему опыту. Поэтому нужно послать из Москвы на родину всех старых коммунистов, пользовавшихся известностью в массах и имевших контакты как с социал-демократами, так и с «мелкобуржуазными» группами. Они будут незаменимы для создания единого рабочего и антифашистского народного фронта. При этом он зашел настолько далеко, что даже упомянул о двух товарищах, исключенных из партии, да еще и достаточно жестко высказал свое мнение по поводу недостатка конспирации в самом Коминтерне: в курсе его конфиденциальных дел были люди, которым не положено было о них знать. Полемизируя с Горкичем, который предлагал оставить за границей двух партийцев, он полагал, что будет достаточно одного, чтобы предотвратить опасность формирования двух противоборствующих руководящих центров – за границей и дома. За границей пусть останется Горкич с небольшим техническим аппаратом и одним товарищем, не входящим в ЦК, – последний должен стать редактором партийной газеты *Proleter*. Он прямо высказал, с кем ему не хотелось бы сотрудничать в партийном руководстве на родине (Камило Хорватин – Петровский) – поскольку уже в Москве стало понятно, что они не могут работать вместе. При этом нельзя сказать, что он хотел навредить Петровскому, – он предлагал назначить его представителем

¹²⁷ Adamič L. Orel in korenine. S. 428–430; Simič P, Despot Z. Tito. Strogo poverljivo. S. 63–66.

¹²⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1135; Dimitrov G. Diario, Gli anni di Mosca (1934–1945). Torino: Einaudi, 2000. S. 48.

¹²⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1134.

КПЮ при Коминтерне¹³⁰. В этом первом донесении Броза, посвященном вопросам организации партии, дается немало резких оценок, однако вовсе не следует считать его доносом. Оно не осталось незамеченным и распространилось среди широкого круга сотрудников руководства ИККИ, которые получили дополнительное доказательство, что этот человек заслуживает доверия¹³¹.

В тот же день, когда он отдал это донесение, 16 октября 1936 г., Вальтера отправили в Вену с 200 долларами в кармане и югославским паспортом на имя Ивана Кисича¹³². Через много лет он с благодарностью вспоминал о Димитрове и Пике, которые помогли ему «выбраться из Москвы», обстановка в которой из-за сталинских чисток всё больше накалялась. Хуже всего были ночные аресты в «Люксе». «Раздавались крики женщин и детей, от которых волосы на голове вставали дыбом»¹³³. Ситуация в австрийской столице была отчаянной, поскольку полиция за несколько недель до приезда Броза арестовала большую часть партийного руководства. Среди тех, кто оказался за решеткой, были Ловро Кухар – Валич, известный под писательским псевдонимом Прежихов Воранц, Карел Худомаль – Оскар и Иван Мариц – Железар. Через восемь дней Вальтер снова вернулся на родину, но уже с новыми полномочиями, расширившими его компетенции. Он получил задание возглавить и укрепить партийную организацию, расколовшуюся в период диктатуры короля Александра, а также продолжать оказывать содействие отправке добровольцев в Испанию¹³⁴. Уже в начале декабря он снова был в Вене, куда вернулся из Москвы и Горкич. Он приехал с хорошими новостями – Коминтерн, несмотря на критику в его адрес, оставил его в должности генерального секретаря КПЮ и даже наградил, предоставив ему право вето на любое решение партийного руководства на родине. До тех пор таких прав в Югославской коммунистической партии ни у кого не было. Помимо прочего, Коминтерн исключил из ЦК его «левых» противников и назначил новое руководство. Тридцатитрехлетний Горкич сиял от радости, ведь было очевидно, что в Москве у него есть влиятельные заступники¹³⁵.

Вальтеру, по его словам, «показалось странным», что Горкич получил право вето. Ведь это означало, что он может от имени Коминтерна по своему усмотрению формировать политическую линию и устанавливать связи с югославскими оппозиционными силами. Что он и сделал в надежде, что таким образом КПЮ примет участие в общинных выборах, которые должны были состояться в декабре 1936 г. Он поручил Вальтеру «любой ценой» наладить сотрудничество с социалистами, невзирая на то, под каким названием партия выйдет на общественную сцену. С тезисом Горкича о том, что необходимо заключить договор с оппозицией, даже если партия при этом потеряет свою идентичность, обнародованном им в ряде брошюр, Вальтер не был согласен, ведь социалисты требовали, чтобы коммунисты ликвидировали свои нелегальные структуры. С его точки зрения, это положение напоминало то, которое сложилось в России в 1907–1914 гг., когда меньшевики требовали «ликвидировать» нелегальные партийные комитеты, чтобы стало возможным сотрудничество с либералами. Тогда Ленин воспротивился «ликвидации». В конце 1936 г. Броз придерживался того же мнения¹³⁶. Однако он не задавал вопросов и не возражал, тем более что Коминтерн решил: он сам будет работать в Югославии и

¹³⁰ Там же.

¹³¹ *Dedijer V. Novi prilozji. Vol. I. S. 228, 229.*

¹³² *Šimič P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 87.*

¹³³ AS. *Dedijer. T. e. 236. Pričevanje Tita Beri Badurinu.*

¹³⁴ *Eiletz S. Titova skrivnostna leta. S. 63; РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 411. С. 57–80.*

¹³⁵ *Očak I. Gorkič. S. 250; Čolaković R. Kazivanje o jednom pokolenju. Sarajevo; Beograd: Svjetlost; Prosveta, 1977. Vol. III. S. 289, 299.*

¹³⁶ *Swain G. R. Tito: the Formation. S. 252; Idem. Tito and the Twilight. S. 209; AS. Dedijer. T. e. 242. Kopja iz memoarov druga M. Dilasa. S. 34.*

нести ответственность за то, что происходит у него на родине¹³⁷. «Я ничего не хотел говорить, поскольку Горкич имел все полномочия. Я был доволен, что мог вернуться домой»¹³⁸. В середине декабря 1936 г. он уехал с поддельным паспортом, но не с тем, который приготовил для него Горкич. Также он не следовал тем маршрутом, который тот ему порекомендовал, «ведь часто случалось, что товарищей, которым Горкич доставал паспорта, на югославской границе сразу же арестовывали...»¹³⁹ Он посетил Люблян, Загреб, Белград и Сплит, в том числе и для организации крупной экспедиции добровольцев в Испанию. Завершив дела на родине, он в конце года вернулся в Прагу. Там у Броза состоялся разговор о запланированной отправке добровольцев с Горкичем, который являлся главным связующим звеном между Коминтерном (и НКВД) и советскими представителями на Пиренейском полуострове. Он узнал, что Горкич собирается перевезти добровольцев из Далмации в Испанию на пароходе и доверил организацию транспорта далматинцу Адольфу Муку – Лёви, кандидату политбюро, а для набора молодежи послал в Белград латвийскую коммунистку Брайну Фосс-Ненадову, у которой оказался совсем другой, нежели у Броза, подход к решению этой задачи. В то время как Броз утверждал, что набор следует проводить строго конспиративно, Фосс дала противоположные указания – о «широкой популяризации» экспедиции. Поскольку помимо этого она завязала контакты не с теми людьми, с кем он уже наладил связи, а совсем с другими, Вальтеру показалось, что, приняв такое решение, генеральный секретарь выразил ему недоверие. Между ним и Горкичем произошел серьезный конфликт¹⁴⁰.

Дело было очень рискованным, и его нужно было организовать в строжайшей тайне, ведь полиция половины Европы, в том числе и югославская, была начеку и старалась не допустить отъезда добровольцев на испанский фронт. Поскольку набралось уже несколько сотен энтузиастов, готовых вступить в борьбу против фашизма, Горкич осуществил задуманное: в конце февраля 1937 г. он отправил из Марселя в Югославию корабль «La Corse», который должен был переправить добровольцев в Испанию. Он был убежден, что эта экспедиция займет особое место в международной акции в поддержку республиканской Испании, и ее успех убедит Коминтерн в организационных способностях КПЮ и, прежде всего, его самого. «Это вернет нам авторитет, значительно пошатнувшийся из-за наших раздоров»¹⁴¹.

Но экспедиции не сопутствовала удача. Из-за того, что ее организацией занимались люди Горкича, которые не умели держать язык за зубами, жандармерия узнала о готовящейся акции. В ночь с 28 февраля на 1 марта 1937 г. корабль, за наем которого было заплачено 750 тыс. франков, задержали у Будвы. Около 500 молодых черногорских крестьян, собиравшихся сесть на него, чтобы доплыть до Испании, оказались в тюрьмах. Это была самая масштабная акция по задержанию левых из всех, что удалось осуществить белградскому правительству¹⁴². Мук, которого полиция арестовала вместе с Фосс, рассказал всё, что знал, еще до начала допроса, и это усугубило катастрофу. К счастью, по словам Джиласа, о новой организации партии он ничего не знал¹⁴³. Наряду с Горкичем в срыве операции обвинили и Вальтера. На него обрушилась лавина обвинений, которые чуть не стоили ему головы. Тито впоследствии с презрением говорил, что на руководящую должность Мука принял Горкич. «Вы только подумайте, он ввел

¹³⁷ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 52.*

¹³⁸ *Spomini tovariša Tita na slavno preteklost.*

¹³⁹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 231.*

¹⁴⁰ *Spomini tovariša Tita na slavno preteklost; Cencić V. Enigma Kopinič. Vol. I, II. Beograd: Rad, 1983. S. 76.*

¹⁴¹ *Čolaković R. Kazivanje. Vol. III. S. 21, 47–50, 492.*

¹⁴² *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 236–238; Simić P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 94, 95; Clissold S. Dilas. P. 31; Гуренко Ю. С. Сталин – Тито. С. 48, 49; Spomini tovariša Tita na slavno preteklost; Ridley J. Tito. A Biography. P. 130; Adamič L. Orel in korenine. S. 435; AS. Dedijer. T. e. 242. Kopja iz memoarov druga M. Dilasa. S. 50; Očaki. Gorkič. S. 257, 258.*

¹⁴³ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 238; AS. Dedjer. T. e. 242. Kopja iz memoarov druga M. Dilasa. S. 50; Чолакович Р. Записки. С. 51, 52.*

в ЦК человека, который был то ли владельцем, то ли управляющим кофейни в Будве, хотя в партии его совсем не знали, и у него не было никакой квалификации: он являлся представителем мелкой буржуазии»¹⁴⁴.

* * *

На родину Йосип Броз вернулся издерганный и встревоженный; было ясно, что он чувствует облегчение, снова получив возможность работать нелегально в Югославии, пусть даже «милитаристской» и «монархической». Несмотря на то что он познакомился со всеми ужасами сталинской Москвы, где каждую ночь ожидал, что его разбудит «роковой стук в дверь»¹⁴⁵, он всё еще был твердо убежден, что советский путь к социализму является верным и что без беспощадной борьбы с «классовым врагом» невозможно коренным образом изменить существующую действительность¹⁴⁶. Поскольку со времени процесса 1928 г., когда во всех газетах была напечатана его фотография, не прошло и десяти лет, и его внешность еще не сильно изменилась, он стал красить волосы в черный цвет. Иногда он менял внешность недостаточно умело. Когда через год, впервые встретившись с ним по приезду в Белград, молодой журналист Владимир Дедиер предостерг, что его «могут разоблачить», он беззаботно ответил: «Знаешь, мне надо было поторопиться, к тому же мне не хватило краски». Даже мать Дедиера обратила внимание на то, что в облике друга ее сына что-то не в порядке: «Он, наверное, опасен, у нас дома таких людей еще не бывало. Посмотри! У него французская зубная паста, а мыло – чешское!»¹⁴⁷ Не только туалетные принадлежности Броза вызывали удивление, еще больше привлекало внимание то, что он говорил на сербохорватском языке со странным акцентом, который было трудно распознать. Помимо немецкого и русского языков, на которых он мог изъясняться более-менее свободно, он немного знал французский, чешский, венгерский и киргизский языки. Впоследствии он также усовершенствовал свой английский, который начал изучать в тюрьме, читая еженедельник *The Economist*. Из-за того, что он знал несколько языков, но при этом владел ими недостаточно хорошо, было сложно определить его настоящее происхождение.

За несколько месяцев до его смерти американское Агентство национальной безопасности опубликовало в своем ведомственном журнале *Cryptological Spectrum* статью, в которой утверждалось, что на основании определенных фонетических и морфологических признаков выявлено, что Тито – это не Йосип Броз, а русский или поляк, взявший его имя в 1930-х гг. Статья была анонимной, но из текста видно, что ее написал специалист¹⁴⁸. На это можно возразить, что в документах Коминтерна о Брозе такой информации нет. Это вовсе не означает, что сам Советский Союз не распространял слухов о Тито, когда в 1948 г. у него произошел конфликт со Сталиным. Тогда по Московскому радио передавали следующую историю: настоящий Йосип Броз был убит в 1915 г. на русском фронте. Его форму и документы присвоил какой-то дезертир из царской армии, вероятно, «еврейский буржуй», сын торговца мехом из Одессы. Как его отец надувал своих покупателей, так и этот авантюрист, у которого семь разных паспортов, обманывает югославских трудящихся¹⁴⁹.

¹⁴⁴ Spomini tovariša Tita na slavno preteklost; Čolaković R. Kazivanje. Vol. III. S. 625.

¹⁴⁵ Maclean F. Disputed Barricade. The Life and Times of Josip Broz-Tito Marshal of Jugoslavia. London: Jonathan Cape, 1957. P 103–104.

¹⁴⁶ Dilas M. Tito. S. 75.

¹⁴⁷ Gligorjević M. Rat i mir Vladimira Dedijerja. Sećanja i razgovori. Beograd: Narodna knjiga, 1986. S. 44.

¹⁴⁸ Is Yugoslav President Tito Really a Yugoslav? URL: https://www.nsa.gov/public_info/files/cryptologic_spectrum/str.159

¹⁴⁹ Razumovsky A. Ein Kampf um Belgrad. Tito und die jugoslawische Wirklichkeit. Frankfurt am M.; Wien: Ullstein, 1980. S. 145, 246.

Броз часто организовывал встречи в Самоборе, маленькой общине, расположенной в 18 км к западу от Загреба, где политической полиции не было, а жандармы не имели навыков борьбы с коммунистами¹⁵⁰. Опорой его была молодежь, которая еще в то время из-за разницы в возрасте звала его «Старым», что он воспринимал вполне благожелательно. Это прозвище придумали белградские студенты Милован Джилас и Иво Лола Рибар, сын влиятельного загребского адвоката и политика, и называть так Броза дозволялось лишь тем, кто входил в узкий круг его товарищей¹⁵¹.

Броз доверил Лоле руководство Союзом коммунистической молодежи Югославии (СКМЮ), в котором на тот момент не было секретаря, и вскоре включил его в число своих ближайших сподвижников. Между тремя товарищами сложился некий симбиоз, для которого, по словам Джиласа, были характерны почти семейные «кровные» узы. Молодые люди видели в Старом своего духовного отца, а друг к другу относились по-братски¹⁵².

* * *

Диктатура короля Александра и кризис, наступивший в политической жизни Югославии после его убийства 9 октября 1934 г., привели к тому, что многие студенты стали вступать в ряды коммунистов. Они не были связаны с сектантами и видели в ленинско-сталинской партии единственно возможную модель необходимого обществу обновления. Они верили в нее безусловно. Их не смущали известия о разгуле террора в Советском Союзе, если они вообще до них доходили и если они вообще к ним прислушивались¹⁵³. Они были незрелыми интеллектуалами, идеалистами, утопистами-энтузиастами и без колебаний выбрали Броза своим вождем¹⁵⁴. «Старый – самый ценный человек в нашей партии!» – было их общим мнением, хотя большинство из них не знали ни того, кем он является, ни того, какие задачи выполняет¹⁵⁵. По свидетельствам современников, Броз предпочитал жить в тех квартирах, которые обеспечивали ему «скоевцы», как по советскому образцу называли молодое поколение, а не в тех, что находили для него партийцы: в то время среди членов КПЮ часто происходили аресты, тогда как молодежи они не коснулись¹⁵⁶.

В убеждении, что следует избавиться от сектантов и отбирать партийцев соответственно новым критериям, Броз начал сколачивать свою группу из людей, работавших на фабриках, в мастерских, школах и пользовавшихся доверием коллег благодаря своему авторитету. И в этом он добился успеха. В числе первых из тех, кого он набрал в свою команду, помимо Джиласа и Рибара, был молодой сербский рабочий Александр Ранкович – Лека, который как раз тогда вернулся из армии по окончании срока службы¹⁵⁷. Присоединился к ним и словенец Эдвард Кардель, с которым Броз уже встречался в Любляне и Москве. Между молодежью и Старым сложились товарищеские отношения – в противоположность той напряженности, которую Коминтерн раздувал среди членов своей «фирмы». Тито любил говорить: «Если кто-то ошибся, найди для человека подходящие слова, а не уничтожай его. Так создается доверие»¹⁵⁸.

¹⁵⁰ Zagreb i Hrvatska u Titovo doba / Ur. T. Badovinac. Zagreb: Savez društava «Josip Broz Tito» Hrvatske, 2004. S. 52.

¹⁵¹ Dilas M. Tito. S. 261.

¹⁵² AS. Dedijer. T. e. 242. Kopje iz memoarov druga M. Dilasa. S. 221.

¹⁵³ Dilas M. Tito. S. 100.

¹⁵⁴ Ibid. S. 115.

¹⁵⁵ Stefanović M. Podpis: Tito. S. 18.

¹⁵⁶ Zagreb i Hrvatska. S. 51.

¹⁵⁷ Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 233.

¹⁵⁸ Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 317.

В группе молодых загребских «левых» Броз встретил свою новую любовь, Герту Хаас, миловидную студентку Высшей коммерческой школы, по происхождению – немку из Марибора. С ее помощью он установил в хорватской столице контакты с кругом интеллектуалов, в который входил адвокат Владимир (Влатко) Велебит, ставший во время войны одним из его ближайших сподвижников, а в послевоенный период – крупным дипломатом¹⁵⁹. С помощью этих молодых коммунистов или людей, сочувствующих партии, Вальтер стал одним из главных организаторов забастовок на верфи в Кралевнице и в Трбовле, которые вызвали сильное беспокойство в предпринимательских кругах всей Югославии. Им он стал известен как опасный агент Коминтерна: звали его якобы Бросц, и он был сыном чешского еврея и венгерки, во время войны служил в австрийской армии и был взят в плен русскими. Во всяком случае, именно это рассказал британской писательнице и путешественнице Ребекке Вест шотландец А. С. Хови, в то время управлявший рудником в Трепче¹⁶⁰.

Усилия Броза организовать и сплотить вокруг себя новую кадровую структуру, которой удалось внедриться даже в высшие круги, встретили резкое противодействие со стороны старой гвардии политических заключенных¹⁶¹. Они основали мощный агитационный центр в тюрьме г. Сремска-Митровица, куда входило около 150 человек. Вероятно, как по численности, так и по сплоченности это была самая сильная партийная организация в Югославии. Ее члены считали КПЮ своим феодалом и воспринимали ее как замкнутую секту, их даже называли «ваххабитами», поскольку своим фанатизмом они походили на арабских фундаменталистов-экстремистов. С 1934 г. ими руководил член ЦК КПЮ, 37-летний черногорец Петко Милетич – Сепо, имевший за плечами бурное прошлое: в 1919 г. он принял участие в венгерской революции, а после ее поражения пытался высечь искру восстания и в только что созданной Югославии. Он два года скрывался в черногорских лесах, долгое время сидел в тюрьме, а затем эмигрировал в Москву, где учился в партийных школах. Там он стал догматиком и уверился, что в политической борьбе необходимы интриги, но по сути так и остался крестьянским бунтовщиком, не имевшим настоящего политического образования. В начале 1930-х гг. он стал членом ЦК КПЮ, а уже в 1932 г. вновь попал в руки югославских жандармов. Его пытали, а затем осудили на семь лет тюремного заключения. В Сремска-Митровице у него был ореол героя, который, несмотря на пережитые им мучения, никого не выдал, не подписал ни одного признания, как и положено настоящему коммунисту. Так он приобрел славу нестигаемого партийца, который никогда не пойдет на сотрудничество с «классовым врагом», и большое влияние – прежде всего среди молодых членов партии в тюрьме и на воле¹⁶². Сторонники просто обожали его, о нем пели народные песни, и даже одна из противотанковых батарей интернациональной бригады в Испании носила его имя¹⁶³. «Они хотели начать акцию, – пишет Джилас. – Искали сильного вождя, и казалось, что им может стать Петко Милетич»¹⁶⁴. Когда начала восходить звезда Броза, Петко сразу же увидел в нем опасного соперника и начал интриговать против него; при этом он пытался повлиять на политику всей КПЮ, не ограничиваясь той ее частью, что находилась за тюремными запорами¹⁶⁵. И не без успеха, ведь он был чрезвычайно популярен в партии и к тому же имел серьезные связи за рубежом, в первую очередь в Москве. Об этом красноречиво свидетельствует статья, опубликованная осенью 1937 г. в немецком органе Коминтерна *Rundschau*. В нем было написано, что в заточении Милетич ведет «по-большеви-

¹⁵⁹ *Velebit V. Svjedok. S. 57, 463; Simčić N. Ženske. S. 167.*

¹⁶⁰ *Ridley J. Tito. A Biography. P. 123.*

¹⁶¹ *Cencić V. Enigma. Vol. II. S. 106, 197.*

¹⁶² *Clissold S. Dilas. S. 25; Dilas M. Memoir of a Revolutionary. P. 175.*

¹⁶³ *Spomini tovariša Tita na slavno preteklost; AS. Dedijer. T. e. 223. Zapis o M. Dilasu.*

¹⁶⁴ *Dilas M. Memoir of a Revolutionary. P. 181.*

¹⁶⁵ *Banac I. Sa Staljinom protiv Tita. Zagreb: Globus, 1990. S. 74; Гуренко Ю. С. Сталин – Тито. С. 54; Colaković R. Kazivanje. Vol. III. S. 340.*

ски» жесткую борьбу против троцкистов и «в том, что касается воспитания кадров, открывает новую страницу в истории нашей партии»¹⁶⁶.

В этой напряженной обстановке Броз продолжал последовательно осуществлять свою программу: одной из его первых инициатив стало воплощение в жизнь решения IV Конференции КПЮ, проведенной в Любляне в декабре 1934 г., и создание Коммунистической партии Словении. Это решение, которое Коминтерн одобрил еще перед VII Конгрессом, основывалось на понимании того, что коммунистическое движение в Югославии должно учитывать остроту национального вопроса и стремиться к его разрешению. Иначе оно не сможет укрепить свои позиции среди широких народных масс. Несмотря на то что у Горкича были большие сомнения по этому поводу, Эдвард Кардель успешно выполнил задачу в соответствии с указаниями Броза: 18 апреля 1937 г. в доме местного священника в Чебинах, недалеко от Трбовле, он организовал проведение I Съезда Коммунистической партии Словении (КПС), численность которой в то время составляла всего 200–300 человек¹⁶⁷. В своем выступлении на съезде Кардель подчеркнул, что мелкую буржуазию не волнуют проблемы народа, тем более – его классовые интересы. Самое большее, что она может предложить, это культурную автономию в рамках Югославии. Но национальный вопрос не является только культурным или языковым вопросом. Поэтому решить его будет возможно лишь тогда, когда словенцы создадут свое государство, которое на основе права на самоопределение займет свое место в более широком государственном образовании – Югославии¹⁶⁸. Этому замыслу он оставался верен всю жизнь.

В ночь с 1 на 2 августа того же года была создана Коммунистическая партия Хорватии, основы которой заложил Броз на встрече, проведенной 16 делегатами в леске Аминдол у Самобора. Он планировал и создание Коммунистической партии Македонии, но до нее дело дошло только в 1943 г. Пока сербы в Югославии находились в привилегированном положении, о Коммунистической партии Сербии никто не думал. В разговоре с другом Йосипом Копиничем Броз объяснил ему, что хорваты и словенцы угнетены, они находятся под пятой Белграда. На это Копинич возразил, что угнетен также и сербский народ, и однажды отомстит ему за дискриминацию, которой подвергается¹⁶⁹. Возможно, поэтому Тито позже оценивал создание компартий Словении и Хорватии как ошибку, заложившую мину в основание будущей социалистической Югославии. По его мнению, оно укрепило разделение Югославии на православную и католическую части. Но, как он говорил, используя поговорку родного Загорья: «Поздно идти к мессе по полудни»¹⁷⁰. Во всяком случае, создав обе партии, он дал новый импульс КПЮ, которая в то время возрождалась и нашла в нем нужного руководителя в нужный момент. Как вспоминал в конце жизни Коча Попович, «он был способен действовать независимо, у него была уверенность в себе, которая imponировала нам еще и потому, что раньше, работая в Коминтерне, он накопил большой опыт»¹⁷¹.

В конце марта 1937 г. Броз отправился поездом в Париж, где политическая атмосфера была лучше, чем в Вене, ведь у власти находился Народный фронт – коалиция социалистов, радикалов и коммунистов. Поэтому члены ЦК КПЮ во главе с Горкичем и другие видные югославские коммунисты перебрались из Центральной Европы во французскую столицу. Среди них были и босниец Родолюб Чолакович, и Сретен Жуйович – Црни, один из наиболее образованных и решительных сербских коммунистов. Когда весной следующего года Гитлер осуществил аннексию Австрии, еще три словенца переселились из Вены в Париж: Борис Кидрич,

¹⁶⁶ Eiletz S. Titova skrivnostna leta. S. 51.

¹⁶⁷ Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 235; Cencič V. Titova poslednja ispovjest. S. 75.

¹⁶⁸ Jovič D. Yugoslavia. A State that Withered Away. West Lafayette: Purdue University Press, 2009. S. 56.

¹⁶⁹ Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 39, 247, 295; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 69. Д. 272. С. 32.

¹⁷⁰ Cencič V. Titova poslednja ispovjest. S. 75; AS. Dedijer. T. e. 274. Najvažnejši razgovor s Josipom Kopiničem, 05.09.1985.

¹⁷¹ AS. Dedijer. T. e. 7. Koča Popovič. Intervju // Danas. 1989. 07.02. S. 25; Kranjc M.F. Zarote in atentati na Tita. S. 300.

его жена Зденка и Ловро Кухар. Последний руководил во французской столице партийным книжным магазином «Горизонт» и был посредником, отвечавшим за связь и почту. Это было общество интеллектуалов, и хотя Броз учился меньше, чем остальные его члены, он вовсе не был самым необразованным из них – благодаря своему богатому жизненному опыту и большой любви к книгам¹⁷². Они жили в дешевых квартирах, или снимали комнаты в отелях, встречались в кафе и ходили скорее на представителей богемных кругов, чем на профессиональных революционеров. Как впоследствии вспоминал Тито, в Париже в 1937–1938 гг. он жил в разных местах, сначала в отеле «Латинские кварталы». В одном и том же *arrondissementu*¹⁷³ он не мог оставаться более двух месяцев, поскольку тогда был бы обязан встать на учет в полиции, поэтому он всё время переселялся из одного места в другое, хотя и старался жить поближе к центру¹⁷⁴.

Броз привез в Париж «интересную и оптимистическую» информацию с родины, как сказано в одном из сообщений Горкича Коминтерну и, как проверенный кадр, сразу же получил задание «ликвидировать» технический аппарат партии в Центральной Европе. Поэтому он не задержался в этом городе надолго, а продолжил путь – в Вену и Прагу. Выполнив задание, он в конце апреля вернулся на родину, в середине мая снова объявился в Париже, а в начале июня 1937 г. отправился в Загреб. «Это было опасно; я въезжал и выезжал через разные пограничные пункты Югославии, лишь бы полицаи меня не запомнили»¹⁷⁵. Тем временем произошло непредвиденное: 4 июля 1937 г. Горкич, подозревая худшее, по вызову Коминтерна уехал в Москву и больше не выходил на связь. «Его поглотила тьма», как он сам говорил о товарищах, сгинувших до него в темницах НКВД. Как уже упоминалось, еще в начале предыдущего года в ИККИ говорили, что руководство КПЮ наделало «больших глупостей» и его следует призвать к ответу¹⁷⁶. Это не предвещало ничего хорошего, тем более что его собственная жена донесла, что он является агентом тайной полиции. Политику «ликвидационизма», которую он проводил, стремясь заключить договор с оппозиционными силами даже ценой уничтожения нелегальных структур партии, по всей видимости, в Москве не одобрили, как и провал экспедиции добровольцев в Испанию. Но и это ему могли бы простить, если бы он не попал под жернова разборок между высшими функционерами служб безопасности, с которыми контактировал, и они его перемололи¹⁷⁷. Его арестовали 19 августа по ложным обвинениям в том, что он английский шпион и враг народа, и 1 ноября 1937 г. расстреляли¹⁷⁸. В Париже об этом ничего не знали, хотя и говорили, что у Горкича «выбили почву из-под ног»¹⁷⁹.

КПЮ была обезглавлена, поскольку помимо Горкича сгинул и Гржетич, ее представитель в Коминтерне. Родолюб Чолакович и Сретен Жуйович призвали Вальтера как можно скорее вернуться в Париж и предложили ему взять на себя руководство партией. Он подходил для этой работы больше, чем остальные члены ЦК, не только потому, что критически относился к Горкичу, но главным образом благодаря своему образцовому прошлому и рабочему происхождению¹⁸⁰. Сначала он колебался, принять ли предложение, но в конце концов дал себя

¹⁷² Zagreb i Hrvatska. S. 52, 55; AJ. 837. KPR. IV-5-b. K 49. Sečanje Tita na Prežihova Voranca i njihov zajednički rad u Parizu. Zabeleška J. Vilfana, 28.01.1956.

¹⁷³ Округ, район (*франц.*).

¹⁷⁴ AJ. 837. KPR. IV-5-b. K 49. Snimak «Cafe de l'Opera» u Parizu u kojoj je Tito često održavao sastanke za vreme boravaka u Parizu. Podaci o boravku Tita u Parizu pre rata. 28.04.1956.

¹⁷⁵ Spomini tovariša Tita na slavno preteklost; *Očak I.* Gorkič. S. 282.

¹⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 485. Оп. 74. Д. 585; *Simič P.* Tito. Skrivnost stoletja. S. 97; AJ. 837. KPR. IV-5-b. K 49. Kratak posetnik o revolucionarnoj delatnosti Tita od 1936 do 1940; *Očak I.* Gorkič. S. 307, 319; *Čolaković R.* Kazivanje. Vol. III. S. 132.

¹⁷⁷ *Čolaković R.* Kazivanje. Vol. III. S. 139, 140, 151.

¹⁷⁸ *Simič P.* Tito. Skrivnost stoletja. S. 98; *Swain G. R.* Tito: the Formation. P. 252, 253; *Idem.* Tito and the Twilight. P. 210; *Adamič L.* Orel in korenine. S. 436.

¹⁷⁹ Spomini tovariša Tita na slavno preteklost.

¹⁸⁰ *Eiletz S.* Titova skrivnostna leta. S. 65; AS. Dedijer. T. e. 242. Kopja iz memoarov druga M. Dilasa. S. 58.

убедить¹⁸¹. Как неофициальный вождь партии он в конце августа сделал запрос в Коминтерн, почему нет ни вестей от Горкича и Гржетича, ни указаний из Москвы по поводу дальнейших действий. Поскольку ответа получено не было, через месяц он послал Пику телеграмму с этими же вопросами. И снова без ответа. Хуже того: югославские коммунисты в Париже столкнулись с финансовыми трудностями, так как приток денег из Москвы прекратился. О том, насколько шатким было положение Вальтера, свидетельствовал и тот факт, что он не смог получить от советских властей визы для въезда в СССР, несмотря на то что за него ходатайствовал А. М. Трилиссер, генерал ГПУ/НКВД из отдела кадров¹⁸². После нескольких месяцев неизвестности, в середине декабря 1937 г. пришло письмо от Пика, в котором он сообщил о падении Горкича и о том, что «Отто» (Брозу) дано новое поручение: принять на себя ответственность за руководство югославским «филиалом». Вскоре Броз узнал, что Горкича и его жену арестовали по обвинению в шпионаже. Эта новость его не удивила, поскольку он уже давно подозревал, что (как ему сообщили друзья из НКВД) Горкич состоит на службе у англичан, ведь он несколько дней провел в английской тюрьме¹⁸³. Помимо того, он считал его «дутым» руководителем, поскольку свой опыт партийной деятельности Горкич получил за рубежом и не мог достаточно авторитетно представлять массы югославских трудящихся. Горкич, по его мнению, систематически наносил вред КПЮ, препятствуя продвижению тех ее членов, которые – как он сам – происходили из рабочей среды. Позднее Броз на основе расхожего в Коминтерне мнения даже обвинил его в том, что он вместе с некоторыми влиятельными сербскими националистами – в первую очередь Слободаном Йовановичем и Драгишей Васичем – намеревался «ликвидировать» партию¹⁸⁴. «В стране его никто не знает, – с презрением писал он Димитрову о Горкиче, – кроме нескольких интеллигентов, не имеющих никакого влияния»¹⁸⁵. А Луису Адамичу он впоследствии говорил, что Горкич, «без сомнения», был на службе королевского режима в Белграде, правительства Пилсудского в Варшаве, англо-французских интересов и иезуитов. С последними и с режимом Пилсудского он был связан через Центральный комитет Польской коммунистической партии, который какое-то время состоял исключительно из антикоммунистических агентов. Конечно, на ГПУ он тоже работал¹⁸⁶. Лишь в конце жизни Броз признал, что «Горкич не был шпионом, как его обвиняли»¹⁸⁷.

Вальтер, помимо временного руководства югославской партией, получил и другое важное задание, о котором нам мало что известно. На основе записи Йосипа Копинича, находящейся в архиве Дедиера, можно сделать вывод, что от Горкича он унаследовал и роль посредника между Советским Союзом и Испанией, в том числе и в делах, связанных с борьбой IV отдела НКВД против тамошних «троцкистов». Согласно документу из архива лидера французских коммунистов Мориса Тореза Броз якобы являлся в Париже руководителем штаба, в который входили итальянец Витторио Видали, хорват Иван Краячич – Стево, славонец Иван Сребрняк – Антонов и серб из Боснии и Герцеговины Влайко Бегович, заместитель руководителя НКВД при международных бригадах и начальник его оперативного центра в Альбасете. Все они были ликвидаторами¹⁸⁸. Это самая таинственная глава в жизни Броза – сведений о

¹⁸¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 588. С. 6.

¹⁸² *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 319; Simič P., Despot Z. Tito. Strogo poverljivo. S. 81.*

¹⁸³ *Dilas M. Tito. S. 85.*

¹⁸⁴ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 239; Vol. II. S. 306, 342; Vol. III. S. 152; Drušković D. Preživov Voranc. Pisatelj in politik. Celovec; Ljubljana: Drava, 2005. S. 243; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 586. С. 8, 9.*

¹⁸⁵ *Гуренко Ю. С. Сталин – Тито. С. 57.*

¹⁸⁶ *Adamič L. Orel in korenine. S. 399.*

¹⁸⁷ *Čavoški K. Tito. Tehnologija vlasti. Beograd: Dosje, 1990. S. 83.*

¹⁸⁸ *AS. Dedjer. T. e. 143. Zapis o Stevu Krajačicu; T. e. 188. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 74; T. e. 235. Pričevanje Kopinič; T. e. 236, Zapis Tito – Pariz – Španija 1937; Pričevanje Alberta Soboula; Pričevanje J. Kopinič, Istorjska ocena Titove uloge u Španiji, 16.09.1985; Pismo V. Dedijerja redakciji Danasa, 19.07.1988; 29.08.1988; Kopinič J. Intervju // Mladina. 1986. S. 9; T. e. 261. Rad 4, odseka u Albaseteu; T. e. 274. Najvažnejši razgovor s Josipom Kopiničem, 05.09.1985; Šentjurs. T. e. 40. Zabeležka*

ней мало. По его собственным словам, он уехал в 1936 или 1937 г. в Мадрид; по воспоминаниям шведской коммунистки Густы Стридсберг, он в 1938 г. появлялся и в Барселоне. Как утверждает Добрица Чосич, речь будто бы шла о кратковременных инспекционных поездках, связанных с организацией югославских участников гражданской войны, а также и о «других функциях, о которых мы еще не знаем». Возможно, он хотел присоединиться к интернациональным бригадам, чтобы участвовать в борьбе против фашистов, но товарищи не разрешили ему это сделать, говоря, что партии он больше нужен на родине и в Париже. Другую историю рассказывает Фред Коупман, английский коммунист, возглавлявший во время испанской войны британскую бригаду. По его словам, Броз под псевдонимом «Чашаев» якобы некоторое время руководил бригадой «Георгий Димитров», в которой сражались добровольцы из Центральной Европы и Балкан. «У меня сложилось впечатление, что он искренний и способный командир, хотя, что характерно для старых коммунистов, он слишком жестко реагировал на небольшие проступки»¹⁸⁹.

Неясно, был ли Броз одним из «los Russos», как называли испанцы членов интернациональных бригад, и принимал ли участие в ликвидации «троцкистов», инсценированных советскими агентами в Испании. Уже в мае 1944 г. его обвинила в этом Эдит Веддербёрн в письме к британскому министру иностранных дел Энтони Идену. Она утверждала, что Броз организовал в Барселоне военные суды, перед которыми предстали «троцкисты» и другие повстанцы, не желавшие «принять диктатуру ГПУ, установленную в Испании в 1936–1937 гг.» Из другого письма, отправленного дипломатом Foreign Office Е. М. Роузом Элизабет Баркер, сотруднице отдела службы политической разведки, следует, что весной 1944 г. по Лондону ходили слухи о злодеяниях, совершённых Тито в Испании во время Гражданской войны¹⁹⁰. Писатель Андре Мальро рассказал известному американскому журналисту С. Л. Сульцбергеру о том, что встречал Тито на Пиренейском полуострове. А в июле 1966 г. французский журнал *L'Aurore* писал, что Тито «не хочет говорить об этом периоде своей жизни, поскольку его пребывание в Барселоне и Альбасете в конце 1936 г. совпало с убийствами, совершёнными чекистами, когда они ликвидировали ведущих югославских коммунистов»¹⁹¹. Вопрос в том, стоит ли доверять этому утверждению. Тем более что сам Тито в своем докладе о работе партии в последние годы дистанцировался от «ликвидаторов», которые к тому же еще вели фракционную борьбу и тем самым бесчестили партию. Но каких «ликвидаторов» он подразумевал? Также и тех, кто действовал по указаниям НКВД? Один из них, Иван Краячич – Стево, до конца жизни оставался его близким другом, причем, вероятно, их связывали не только взаимная симпатия, но и мрачное прошлое¹⁹². Возможно, что именно Броз привлек Краячича к разведывательной работе. Когда в 1948 г. произошел разрыв между Сталиным и Тито, последний, по словам Владо Дапчевича, на ужине с Ранковичем, Вукмановичем – Темпо и Краячичем сказал со злостью: «Смотрите, как они на нас нападают, а ведь мы им дали лучшие кадры. Даже я работал на Министерство государственной безопасности НКВД». Когда Краячич из предосторожности толкнул его ногой, чтобы он замолчал, Броз ответил, что ему нечего скрывать, ведь именно эти кадры и сидят рядом с ним¹⁹³.

О своем пребывании в Испании Тито в 1949 г. вскользь говорил Луису Адамичу, затем Владимиру Дедиеру. Тот внес эти сведения в его «автобиографию», опубликованную в жур-

razgovora tov. Lidije Šentjunc s tov. Vladimirom Dediđerjem, 15.05.1987 v Ljubljani.

¹⁸⁹ Copeman F. Reason in Revolt. London: Blandford Press, 1948. URL: <http://spartacus-educational.com/SPdimitrov.htm>.

¹⁹⁰ Tito's sojourn in Spain // The South Slav Journal. 1982/1983. Vol. 5. No. 4 (18). P. 47, 48.

¹⁹¹ Simič P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 92. См.: Specialni bilten Tanjuga, 30.07.1966.

¹⁹² AS. Dediđer. T. e. 261. Ključne suprotnosti u odnosima druga Tita i Stefana; T. e. 298. Novi prilozi. Vol. IV. Osemnajsto poglavje. S. 65; Lopušina M. Ubij bližnjeg svog. Jugo-slovenska tajna policija 1945/1995. Beograd: Biblioteka «Revja 92», 1996. S. 21, 22.

¹⁹³ Lopušina M. Ubij bližnjeg svog. S. 22, 23.

нале *Life* в 1952 г. В расширенном югославском издании этого текста их изъяли по требованию самого Тито¹⁹⁴. Воспоминания об Испании явно были ему неприятны, в особенности если принять во внимание рассказ Лео Матеса, хорватского революционера еврейского происхождения, который после войны в основном состоял на дипломатической службе, а в 1958–1961 гг. был главным секретарем президента республики. Матес заявил Дедиеру, что Броз в Испании оказывал Советскому Союзу «грязные услуги», ведь он занимался там «чисткой». Вальтер и сам упомянул об этом в 1939 или 1940 г. на обеде в своем загребском доме. Он неожиданно сказал коммунистке-агитатору Анке Буторац, присутствовавшей за столом: «Я твоего “товарища” в Испании послал на смерть»¹⁹⁵. «Товарищем» был Благое Перович, известный сербский коммунист и потенциальный лидер КПЮ, который находился в немилости у Коминтерна и был убит 6 июля 1937 г. недалеко от Мадрида при загадочных обстоятельствах. Он получил приказ начать почти самоубийственную атаку (если только, как подозревали многие, не получил пулю в спину от агента НКВД).

¹⁹⁴ *Adamič L.* Orel in korenine. S. 434; *Simič P.* Tito. Skrivnost stoletja. S. 93.

¹⁹⁵ AS. Dedijer. T. e. 271. Pričevanje Lea Matesa, 24.09.1982.

Борьба против «параллельного центра»

Арест Горкича черной тенью лег на КПЮ. Югославских коммунистов, особенно тех, кто находился в Советском Союзе, Франции и Испании, неожиданно стали подозревать в «троцкизме». По всей видимости, троцкизм больше всего распространился, наряду с российской, в польской и югославской партиях, попавших из-за этого под жестокий удар. Польскую компартию Коминтерн просто распустил. Как пишет в своих воспоминаниях Густы Стридсберг, казалось, что югославы стали жертвами политической эпидемии. «В первую очередь немецкие коммунисты, но также и другие относились к ним настороженно, как к прокаженным, которых лучше избегать. Их не звали на многие политические собрания <...> И вновь я узнала, что в Москве всех югославы допрашивают, и что арестованный Горкич проводит последние дни жизни, пытаясь в своей исповеди возложить вину на других»¹⁹⁶.

В обстановке всеобщего смятения, когда само существование КПЮ находилось под вопросом, далматинец Марич – Железар и черногорец Лабуд Кусовац – Обаров, при поддержке КП Франции, а также определенных кругов Коминтерна, создали так называемый «параллельный центр» среди югославских коммунистов в Париже. Сначала они предложили Вальтеру сотрудничать с ними и вместе сформировать коллектив, который временно возглавит партию. Взамен же потребовали убрать всех, кого Горкич поставил на руководящие должности, прежде всего – Чолаковича, Жуйовича и Кухара, считая, что они следовали его ошибочной линии. Хотя Броз и в самом деле послал Чолаковича в Испанию с заданием организовать политические курсы для находившихся там югославских борцов, Марич и Кусовац не были удовлетворены: Жуйовича он оставил во Франции, а Кухара самовольно, без предварительного одобрения Коминтерна назначил представителем партии в Париже и редактором ее органа *Proleter*¹⁹⁷. Несмотря на то что Марич и Кусовац раньше и сами были связаны с Горкичем, они стали его заклятыми врагами после того, как в 1936 г. их исключили из ЦК КПЮ. Его гибель предоставила им возможность свести счеты с теми, кто с ним сотрудничал. Вальтер не пошел им навстречу, потому что этих людей назначил на их должности ИККИ, но более вероятно, что он просто ни с кем не хотел делить верховную власть. При этом он сослался на указания, данные Пиком в конце декабря 1936 г., согласно которым Горкич должен был руководить партией за границей, а сам он – на родине. Теперь, когда Горкича не стало, он считал, что несет ответственность за всю партию. Он заявил, что будет работать так, как, по его мнению, необходимо, и приглашать на заседания Политбюро тех, кого сочтет нужным. Кроме того, он стал отсылать из Парижа членов партии, от которых хотел избавиться. Поэтому у Марича возникло подозрение, что он пытается сконцентрировать всю власть в своих руках. Вместе с Кусовацем и его женой Кристиной, сотрудницей советской секретной службы, он начал активно интриговать против Вальтера, утверждая, что тот ведет себя чересчур своевольно, не имея никакого мандата от ИККИ, о чем свидетельствует тот факт, что последний больше не финансирует КПЮ. Они перестали подчиняться директивам Броза и действовали совершенно самостоятельно. Они установили связь с Петко Милетичем в Сремска-Митровице, объявив его «достоинством партии», хотя и не отрицали, что в прошлом он совершал кое-какие «ошибки»¹⁹⁸. Как будто этого было мало, к ним присоединился еще и Иван Сребрняк – Антонов, агент советских военных служб, который стал обвинять Броза в том, что при обновлении партии он опирается на таких молодых соратников, как Борис Кидрич или Лола Рибар, а они оба – из мелкобуржу-

¹⁹⁶ *Stridsberg G.* Mojih pet življenj. Maribor: Založba Obzorja, 1971. S. 411.

¹⁹⁷ *Swain G. R.* Tito: the Formation. P. 253, 254.

¹⁹⁸ *Dilas M.* Tito. S. 81; *KisicKolanovicN.* Hebrang. S. 32; РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 411. С. 45, 46, 48, 63; Ф. 495. Оп. 74. Д. 588. С. 7а-7б; *Simic P.* Tito. Skrivnost stoletja. S. 99, 100; *Гуренко Ю. С.* Сталин – Тито. С. 53; *Dilas M.* Memoir of a Revolutionary. P. 278.

азных семей и сыновья масонов. Значит, все они на службе у югославской буржуазии. Также он отметил, что у Вальтера в Москве была любовная связь с некоей Эльзой, членом КП Германии, которую НКВД подозревал в том, что она служит в гестапо. А еще – будто бы его курьером, доставлявшим почту из Парижа в Югославию и обратно, была сотрудница гестапо (очевидно, речь шла о Герте Хаас). Исходя из всего этого, Сребрняк предложил ИККИ призвать Броза к ответу, ведь он ничуть не лучше Горкича, и распустить КПЮ¹⁹⁹.

В ответ на эту атаку Броз со своей стороны организовал борьбу с выступавшими против него «троцкистами», «фашистами» и «шпионами». Чтобы обосновать свои действия, он в начале 1938 г. написал статью «Троцкисты, агенты международного фашизма» и подписал ее инициалами «Т. Т.». Статья была опубликована в *Proleter*. В ней он отметил, что многие уважаемые, но недостаточно образованные югославы-антифашисты не верят в распространение новой «чумы». «Они не верят, что троцкисты сейчас пали настолько низко, что стали “обыкновенной бандой шпионов, убийц, диверсантов и агентов фашизма”». Броз в этом не сомневался и потому призывал к осторожности и бдительности: «Пусть и в будущем все происки троцкистских бандитов разобьются о монолитность, дисциплину и единство нашей партии»²⁰⁰.

Среди тех, кто представлял наибольшую угрозу монолитности партии, как ее понимал Броз, естественно, был и Петко Милетич. Лишь только пришло известие о падении Горкича, Вальтер и белградские товарищи сочли, что следует сообщить об этом травмирующем событии Милетичу и Моше Пияде, посоветовав им не рассказывать о нем товарищам в тюрьме, чтобы не деморализовать их. Однако Петко не стал хранить тайну и попытался использовать эту ситуацию, чтобы встать во главе партии как ее спаситель. По словам Родолюба Чолаковича, в ноябре 1937 г. он планировал организовать побег из тюрьмы, чтобы созвать чрезвычайный съезд КПЮ, что крайне обеспокоило молодых сторонников Броза в Югославии. «Популяризация Петко Милетича его приверженцами, – писал Милован Джилас, – приняла истерическую форму и получила широкий размах, которому никто не мог противостоять»²⁰¹. В Париж немедленно послали Лолу Рибара известить Тито об опасности. По инициативе Джиласа и Ранковича, которые прежде какое-то время находились под влиянием Милетича, но затем отошли от «ваххабитства», Вальтер принял решение о необходимости замены партийного руководства в «неволе». Он распустил партийный комитет в тюрьме г. Сремска-Митровица и назначил комиссаром Моше Пияде, своего старого учителя и друга²⁰². Поскольку последний был убежденным противником Петко, его назначение вызвало волну негодования как среди заключенных, видевших в нем «бандита, предателя, троцкиста», так и в «параллельном центре» в Париже, где его считали «оппортунистом»²⁰³. Несмотря на это, линия Броза возобладала: в начале ноября 1937 г. ЦК КПЮ осудил «антипартийную деятельность» организации в Сремска-Митровице. Милетича сняли с должности секретаря тюремного комитета по обвинению в том, что он проводит сектантскую линию вопреки решениям VII Конгресса Коминтерна. И это было только началом его несчастий²⁰⁴. Правда, «параллельный центр» в Париже попытался оказать сопротивление, утверждая, что у партии больше нет руководства, а то, что делает Броз, нелегитимно. Но он не добился успеха²⁰⁵. «Не знаю, что и сказать о Железаре, – комментиро-

¹⁹⁹ *Dedijer V. Novi prilozhi. Vol. II. S. 332–334; Vol. III. S. 105; Cencič V. Titova poslednja ispovijest. S. 80; Grdina I. Josip Kopinič // Tvorci slovenske pomorske identitete / Ur. P. Bobič. Ljubljana: Založba ZRC, 2010. S. 119; AS. Dedijer. T. e. 274. Najvažnejši razgovor s Josipom Kopiničem, 05.09.1985.*

²⁰⁰ *Broz Tito J. Zbrana dela 1–24. Ljubljana: Komunist; Borec, 1978–1989. Vol. 4. S. 14–17.*

²⁰¹ AS. Dedijer. T. e. 242. Kopja iz memoarov druga M. Dilasa. S. 73.

²⁰² *Čosič D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 194; AS. Dedjer. T. e. 242. Kopja iz memoarov druga M. Dilasa. S. 73, 74.*

²⁰³ *Eiletz S. Titova skrivnostna leta. S. 50, 52; РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 411. С. 48; Kljinger IT, Kuljiš D. Tito. Neispricane priče. S. 174.*

²⁰⁴ *Kisic Kolanovic N. Hebrang. S. 35; Гуренко Ю. С. Сталин – Тито. С. 54.*

²⁰⁵ *Eiletz S. Titova skrivnostna leta. S. 52, 53, 58–61; Гуренко Ю. С. Сталин – Тито. С. 55.*

вал ситуацию Тито, – но нашей партии он нанес столько вреда, что он либо дурак, либо явный предатель»²⁰⁶. В тюрьмах тем временем началась жестокая борьба между сторонниками Милетича и сторонниками Пияде, причем последних становилось всё больше, поскольку многие арестанты поняли, кто сильнее, и стали «раскаиваться» и «осознавать». Конечно, это был драматичный процесс. Пияде приложил массу усилий, чтобы как можно больше очернить Петко и его группу. Он утверждал, что они пытались его отравить, что они гомосексуалисты и т. п.²⁰⁷

* * *

В конце марта 1938 г. в Париже, по пути в Испанию, объявился Н. П. Богданов, представитель Коминтерна. Он вступил в контакт с Кусовацем и Маричем, а Вальтера полностью игнорировал. Последнего это чрезвычайно обеспокоило, ведь казалось, что симпатии Москвы склоняются на сторону «параллельного центра», который уже начал формировать «новый кабинет» и больше не слушал указаний ЦК. Понимая, что только на родине он сможет упрочить свое положение, Броз решился на дерзкий и опасный шаг. Не спросив разрешения у Коминтерна, он расформировал руководство партии в Париже и вернулся в Югославию. Это был совершенно необычный поступок, не характерный для практики зависимых от Москвы коммунистических партий, и Марич расценил его как свою победу, полагая, что «Вальтер сбежал». На самом деле Броз впервые доказал свои способности как лидера. Он принял решение на основании собственной оценки ситуации и тем самым продемонстрировал, что не намерен оставаться просто марионеткой Москвы. Об этом свидетельствовала и одна из последних акций парижского ЦК – декларация по поводу присоединения Австрии к Третьему рейху, опубликованная по инициативе Броза 12 марта 1938 г. В ней более четко, чем прежде, подчеркивалось, что необходимо бороться против фашистской опасности и сотрудничать со сторонниками коалиционных партий, находящихся у власти, чтобы достичь успеха в этой борьбе. Впервые он высказал свою убежденность в том, что Югославия является общей родиной сербов, хорватов и словенцев, которые нужны друг другу: «Народы Югославии! Все, кому дорога свобода и демократия, все, кто любит свою Родину и свой народ, все патриоты, не желающие прислуживать фашистским захватчикам, объединяйтесь!»²⁰⁸ Исходя из этого, Броз утверждал, что следует «окончательно» избавиться от сектантов, которые до тех пор парализовали партию, и развил бурную деятельность, чтобы привлечь на свою сторону все «здоровые» элементы. Отчасти ему удалось это сделать – в апреле социальные демократы и представители профсоюзов на съезде в Загребе приняли решение о сотрудничестве с коммунистами против фашизма в рамках Народного фронта и отказались от проведения антисоветской пропаганды. Результат был многообещающим, представители партии заняли прочные позиции в руководстве мощнейших югославских профсоюзов. Крупный союз загребских металлистов уже был у них в руках, а в 1937 г. они получили приоритет и в рабочих союзах строительной, текстильной и деревообрабатывающей отраслей. При этом они не предоставили социалистам никаких важных концессий²⁰⁹.

В то время Вальтер регулярно встречался с бывшими заключенными, возвращавшимися из Сремска-Митровицы, чтобы проверить, можно ли привлечь их к партийной работе, даже если они прежде были сторонниками Петко Милетича²¹⁰. Он использовал возможность окончательно укрепить временное руководство партии на родине и избрать новый ЦК, состоящий из

²⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 411. С. 63.

²⁰⁷ AS. Dedijer. Т. е. 242. *Kopja iz memoarov druga M. Dilasa*. S. 117; *Klinger IT, KuljišD. Tito. Neispričane priče*. S. 152, 158.

²⁰⁸ *Broz Tito J. Zbrana dela*. 1-24. Vol. 4. S. 31.

²⁰⁹ *Ridley J. Tito. A Biography*. P. 136; *Swain G. R. Tito: the Formation*. P. 257; *Idem. Tito and the Twilight*. P. 211; AS. Dedijer. Т. е. 111. *Magnetofonska snimka*. S. 67; Т. е. 242. *Kopja iz memoarov druga M. Dilasa*. S. 36.

²¹⁰ *Zagreb in Hrvatska*. S. 50.

девяти членов, который начал работу, несмотря на то что Коминтерн его еще не признал. В его состав Броз ввел товарищей из своего окружения, сформировавшегося еще в прошлом году: прежде всего Джиласа, Ранковича и Карделя. За исключением последнего, уже побывавшего в Москве, там никого лично не знали, так что Броз стал единственным посредником между верхами КПЮ и Коминтерном²¹¹. Он отменил управление партией из-за границы, заявив, что «парижане» не имеют права вмешиваться в ее внутренние дела, и способствовал укреплению связей между руководителями партии и ее членами, что дало новый импульс ее развитию. Три региональных центра – Белград, Загреб и Любляна, которые прежде нерегулярно посылали сообщения о своей работе, теперь стали согласовывать действия. Военный комитет, созданный новым руководством, приложил все силы к тому, чтобы сформировать костяк ударной группы, умеющей пользоваться оружием. С этой целью организовывались специальные курсы для студентов, сначала в Белграде, затем и в Словении. Кроме того, партия вела огромную полулегальную издательскую деятельность: она издавала газеты, журналы, книги, брошюры, пользовавшиеся хорошим спросом и приносявшие крупный доход²¹². Броз также потребовал, чтобы партия перешла на самофинансирование, что имело большое значение, ведь отныне коммунистов уже нельзя было упрекнуть в том, что они «оплачиваются большевиками». Конечно, это произошло под давлением обстоятельств, так как Москва всё еще отказывалась от предоставления КПЮ финансовой поддержки, как будто уже сбросила ее со счетов. В письме к Димитрову от 1 марта 1938 г., в котором Вальтер сообщал о своей деятельности, он посетовал: «Трудно работать в это бурное время без какой-либо моральной, политической и материальной помощи с твоей стороны». Однако с оптимизмом добавил: «Я понимаю общую ситуацию и до последней минуты буду стараться сделать всё возможное, чтобы спасти фирму и выполнить стоящие сейчас перед нами задачи»²¹³.

Это письмо не осталось без отклика: по инициативе Димитрова оно получило распространение среди влиятельнейших представителей Коминтерна, в котором с начала года обсуждалась судьба КПЮ. ИККИ 3 января 1938 г. назначил особую комиссию, в состав которой вошли Пик, Мануильский и видный болгарский коммунист Коларов. Их задачей было «изучить обстановку в КПЮ, оценить ее кадры и разработать предложения по обновлению ее руководства и деятельности партии на родине»²¹⁴. Вопреки негативной оценке начальника отдела кадров болгарина Георгия Дамьянова – Белова, отметившего, что Вальтер в период Великого Октября «бежал от революции» и что после возвращения в Югославию его спас от тюрьмы *хозяин*, а затем «уговор с судьями»²¹⁵, члены комиссии доложили Димитрову, что, по их мнению, Вальтер является наиболее подходящим человеком для руководства партией. И предложили вызвать его в Москву. «Можно вызвать», – Димитров сделал лаконичную пометку на этом документе 26 апреля 1938 г. Узнав об этом, Броз немедленно отправился через Триест в Париж и добрался до него 14 июня 1938 г. Он был уверен, что задержится во Франции ненадолго, полагая, что назначение уже у него в кармане. Примечательно, что в мае 1938 г. в Белграде он представился своему будущему биографу Владимиру Дедиеру, тогда еще студенту университета, как секретарь Центрального комитета. Однако визы для продолжения пути в Советский Союз он так и не получил, и пребывание в Париже затянулось²¹⁶. Он был очень раздражен и обеспокоен, поскольку хотел как можно скорее вернуться в Загреб, где его ждало мно-

²¹¹ *Dilas M.* Tito. S. 80, 81; *Idem.* Memoir of a Revolutionary. P 279, 280; *Klinger IE, KuljišD.* Tito. Neispričane priče. S. 174, 175.

²¹² *Deakin F. T.* Yugoslavia. The Military Organisation of the Yugoslav Communist Party (1918–1940). P. 6, 7; AS. Dedijer. T. e. 188. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 48; *Adamič L.* Orel in korenine. S. 477, 478.

²¹³ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 411.

²¹⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1232. С. 4.

²¹⁵ Там же. Оп. 74. Д. 587. С. 2–4.

²¹⁶ *Eiletz S.* Titova skrivnostna leta. S. 95; *Simič P.* Tito. Skrivnost stoletja. S. 102; *Dedijer V.* My two Comrades // Cross Currents 4. A Yearbook of Central European Culture. 1985. P 399; *Čolaković R.* Kazivanja. Vol. III. S. 463, 466.

жество дел, но главным образом потому, что не мог избавиться от подозрений, что задержка с документами – результат интриг его врагов. Фракционная борьба тогда достигла пика. Большую активность в ней проявили Марич и Кусовац, продолжавшие обвинять Броза в том, что он человек Горкича и продолжает его троцкистскую политику, поскольку не хочет убрать людей из старого аппарата, которые сотрудничают с полицией или же просто кажутся подозрительными²¹⁷. Распространялись слухи, что в партии настоящий «цирк», что Центрального комитета вовсе не существует, что Коминтерн доверяет только им, и «Георгий» скоро выдаст им мандат на руководство партией²¹⁸. Вдобавок Броза угрожал арест, поскольку из-за проходившего в то время визита английского короля Георга VI в Париж полицейский надзор усилился. Находившиеся под влиянием «параллельного центра» французские товарищи не захотели помочь ему найти конспиративную квартиру и прервали с ним все связи²¹⁹.

Найти выход из этого затруднительного положения ему помог словенец Йосип Копинич – Вокшин, с которым Броз встречался еще в 1935 г. в Москве, в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада, созданном для нерусских партийных кадров из европейской части Советского Союза и для эмигрантов из Центральной Европы, Скандинавии и Балкан. Копинич был там студентом, а Броз временно занимал должность преподавателя. Вполне возможно, что сблизились они и на почве общих авантюр с женщинами. Копинич был увлекающимся и энергичным человеком: когда он еще служил мичманом в королевском военно-морском флоте, он вступил в КПЮ и создал тринадцать партийных организаций²²⁰. В 1934 г., узнав, что его собираются арестовать, он бежал в Москву, где стал работать в советской разведке. Он был в числе пяти первых иностранных добровольцев, которые прибыли в Испанию на помощь Республике всего через месяц после начала гражданской войны, и прославился там как герой. Кроме того, Копинич служил и на подводной лодке, мужественно оказывавшей сопротивление французским военным кораблям сначала в Атлантическом океане, а затем в Средиземноморье. Ему удалось прорвать блокаду на Гибралтаре, поэтому в испанской республиканской армии он получил высший чин среди всех югославы. Он стал капитаном фрегата, а также был назначен членом испанской военной миссии в Париже²²¹. Поэтому он пользовался большим авторитетом в международных левых кругах и имел связи в высшем обществе. Воспользовавшись своими знакомствами, Копинич нашел для Броза убежище во дворце одного маркиза, военного атташе в посольстве Испанской Республики во Франции, где работал и он сам. Он собирался поехать в Москву и обещал заступиться там за Броза. Копинич разделял его идеи «большевизации партии» и, возможно, во многом содействовал падению Горкича²²². Броз передал с ним письмо для Димитрова. Это был отчаянный призыв к «товарищу Георгию», чтобы он что-нибудь предпринял «для спасения моего доброго имени»²²³. Копинич отдал письмо и сопровождал его своим собственным, которое завершил просьбой, красноречиво свидетельствующей о том, насколько плохо в тот момент относились к Вальтеру в Москве: «Я обращаюсь к Вам как сын к отцу и прошу Вас ответить мне на вопрос товарища Вальтера. <...»

²¹⁷ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 411. С. 42–44; Ф. 495. Оп. 74. Д. 587.

²¹⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1256; Оп. 74. Д. 587. С. 48.

²¹⁹ Zagreb i Hrvatska. S. 52; *Cencič V. Enigma*. Vol. I. S. 82; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 587. С. 49.

²²⁰ *Swain G. R. Tito: the Formation*. P. 255; *Cencič V. Enigma*. Vol. I. S. 79; *Kranjc M.F. Zarote in atentati na Tita*. S. 131; *Adamovič V. Tri diktatora*. S. 544, 547; *Klinger IT, KuljišD. Tito. Neispricane priče*. S. 193.

²²¹ *Cencič V. Enigma*. Vol. I. S. 52–73; *Kopinič J. Zgodovinske enigme, intervju // Mladina*. 1986. S. 9; *Velebit V. Svjedok*. S. 62, 63; *Grdina I. Josip Kopinič*. S. 117.

²²² *Simčič M. Ženske*. S. 176; *Cencič V. Titova poslednja ispovijest*. S. 78, 81; *Гуренко Ю. С. Сталин – Тито*. С. 60; *Gligorjevic M. Rat i mir Vladimira Dedjera*. S. 131; *Cencič V. Enigma*. Vol. I. S. 80–82; AS. *Dedijer. T. e. 271. J. Kopinič*, 04.10.1980.

²²³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 11. Д. 362. С. 54; Оп. 74. Д. 587. С. 64–66.

> Вы – моя последняя надежда, поскольку все остальные, когда я спрашиваю их, что сделано, отвечают, что лучше не задавать лишних вопросов»²²⁴.

Несмотря на то что Димитров симпатизировал Брозу, он смог только посоветовать Копиничу обратиться в отдел кадров ИККИ, являвшийся контролирующим органом всей организации. Хотя Белов, его надменный руководитель, и принял Копинича, но сразу заявил, что помочь не может: «Против Вальтера выдвинуты обвинения, и пока этот вопрос не решен, я не могу вмешаться». Копинич не отступил, он вернулся к Димитрову и предложил ему разрешить Вальтеру приехать в Москву, чтобы дать ему возможность защитить себя самому. Тогда последний послал его к Божидару Масларичу – Андрееву, заместителю Мануильского, который хорошо знал Копинича еще в Испании. Он был более общителен и рассказал, какие именно обвинения выдвинули враги против Броза, чтобы подорвать его позиции. По сути его подозревали в том, что он прямо или опосредованно служит югославской полиции и гестапо: ведь Коминтерн не финансирует прессу КПЮ. Кто же тогда это делает? Вероятно, югославская полиция. Только так можно объяснить эту аномалию. Иво Лола Рибар и Борис Кидрич – сыновья капиталистов, т. е. полицейские агенты и провокаторы. Хуже того, отец Рибара был председателем белградской Скупщины в то время, когда была принята «Обзнана», декрет, которым власти запретили Коммунистическую партию, и известным масоном. Не говоря уже о Герте Хаас, которая является немкой и гестаповской шпионкой. Этих обвинений было достаточно для Лубянки или даже для расстрельного взвода. Однако, вопреки всему, упорство Копинича принесло плоды. Хотя Масларич предложил ему должность генерального секретаря КПЮ, говоря: «Мы тебе доверяем», тот убедил его хотя бы дать Вальтеру возможность приехать в Москву, чтобы вместе с ним разобраться в этом деле²²⁵.

²²⁴ Eiletz S. Titova skrivnostna leta. S. 97; Simic P., *Despot Z. Tito*. Strogo poverljivo. S. 82–85.

²²⁵ Eiletz S. Titova skrivnostna leta. S. 97–99; Cenčič V. Titova poslednja ispovijest. S. 8287, 188; Cenčič V. Enigma. Vol. I. S. 85–88; AS. Dedijer. T. e. 236. Zapis Kopinič, 20.12.1980. Istraga u Moskvi protiv Tita.

Снова в Москве

И действительно, Броз 23 августа 1938 г. уехал из Парижа и через Стокгольм полетел в Москву. Он прибыл туда на следующий день, после почти двухлетнего отсутствия. Можно себе представить, какие чувства его обуревали, учитывая, что в 1937–1938 гг. в Советском Союзе арестовали около 800 югославских коммунистов и более 900 членов их семей – всех, до кого мог дотянуться НКВД. По его словам, он ощущал себя последним из могикан, ведь нельзя было исключить вероятности того, что КПЮ ликвидируют: в ее ЦК остались только он и Кухар. Чолаковича, считавшегося «приверженцем Горкича № 1» и Жуйовича, «№ 2», Коминтерн уже вычеркнул из списка. Они остались живы только потому, что НКВД не смог до них добраться²²⁶. «Всех, кроме меня, посадили»²²⁷. «Что было трудным? – позже Тито задавал себе этот вопрос. – Погибнуть в Советском Союзе по обвинению в том, что являюсь контрреволюционером. Умереть в Югославии не было трудно. Ты знал, что умрешь как революционер. Я отправлялся на нелегальную работу так, будто выходил на свободу»²²⁸. 24 августа 1938 г. он уже находился в резиденции Коминтерна, где его унизили, заставив дожидаться четыре часа, чтобы получить разрешение войти в здание²²⁹. Ему сразу же пришлось защищаться перед комиссией, состоявшей из пяти членов. Трое из них – враждебно относившиеся к нему болгары, которые требовали его осуждения из-за корабля, захваченного у Будвы, и заставляли его «признать свою вину». Они считали, что генеральным секретарем КПЮ следует назначить Петко Милетича. А если это невозможно, то назначить комиссаром некоего капитана Димитрева, болгарина, сражавшегося в Испании. А Вальтера надо бы «ликвидировать». К тому же его стиль жизни противоречил их представлениям и это вызывало подозрение: его кто-то подкупает. К расследованию подключилась и советская военная разведка, утверждавшая, что он – троцкист. Он был на волосок от гибели, но спасся, поскольку выяснилось, что обвинения против него – обычная фальсификация²³⁰. Его оправданию, несомненно, способствовало донесение от 23 сентября 1938 г., в котором Вальтер подробно описал свои отношения с теми, кого «разоблачили как саботажников и врагов нашей партии». Речь шла о девяти видных югославских коммунистах; семерых из них уже расстреляли, а двое были еще живы, но их уже подозревали в троцкизме. Конечно, ни для кого из них он не нашел доброго слова, хотя позднее утверждал, что был осторожен, и о товарищах, чьи характеристики должен был написать, говорил, что «недостаточно хорошо их знает, не работал с ними»²³¹. Во всяком случае, за него вступился Мануильский и, возможно, тогда еще влиятельный Трилиссер – Москвин, один из руководителей НКВД, с которым Броз уже долгое время поддерживал контакты, что было совсем неудачно, учитывая, что последний в конце ноября и сам стал жертвой сталинской чистки. По словам самого Тито, это был самый тяжелый момент в его жизни. «Я не был уверен, – рассказывал он спустя много лет, – что однажды не схватят и меня. За то, что меня не арестовали, следует благодарить Димитрова, который мне доверял и считал, что я должен взять руководство

²²⁶ Čolaković R. Kazivanja. Vol. III. S. 257, 419, 450, 518.

²²⁷ Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 52, 54. Позже Хрушев реабилитировал более ста югославских коммунистов и послал их досье Тито; Gligorjevič M. Rat i mir Vladimira Dedijerja. S. 315.

²²⁸ AJ. 837. KPR. IV-5-b. K 49. Zabeleška J. Vilfana na vreme provedeno u SSSR, 21.12.1953.

²²⁹ Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 333.

²³⁰ Eiletz S. Titova skrivnostna leta. S. 92, 93; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 56, 152; Spomini tovariša Tita na slavno preteklost; AS. Dedijer. T. e. 236. Istraga 1938.

²³¹ Simič P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 105–108; Simič P., Despot Z. Tito. Strogo poverljivo. S. 86–90; Simič M. Ženske. S. 151; Spomini tovariša Tita na slavno preteklost; Едемский А. Б. От конфликта к нормализации: советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М.: Наука, 2008. С. 28.

Коммунистической партии в свои руки в качестве ее генерального секретаря»²³². Как бы то ни было, он сильно переживал, о чем через много лет вспоминал в разговоре с Дедиером: «Ночь у Караиванова. Несколько бутылок водки. Я очень испуган. Теперь понимаю, почему в СССР столько пьют. Пьют, потому что боятся...»²³³ Караиванов, болгарский коммунист, сотрудник НКВД, доверенное лицо Броза и, по обязанности, предатель, об этом времени написал следующее: «Он был очень встревожен. Его глаза были полны слез. В эти дни у товарища Тито появились первые седые волосы»²³⁴.

После этих тяжелых испытаний его полностью реабилитировали, 17 сентября 1938 г. он уже принял участие в заседании ИККИ, на котором сделал для крупнейших руководителей организации исчерпывающий доклад о ситуации в Югославии²³⁵. 7 ноября Димитров дал в дневнике лаконичный комментарий: «Югославская резолюция в главных чертах правильна»²³⁶. Во многом этому признанию способствовало и то, что во время чехословацкого кризиса в конце сентября – начале октября 1938 г. югославским коммунистам удалось организовать движение протеста в защиту находящейся под угрозой республики. Тысячи студентов в Белграде и в Загребе кричали, что хотят поехать в Чехию, хотят ее спасти, хотят сражаться против Гитлера. Многие даже отправились в Прагу, где собирались вступить в интернациональные бригады, которые должны были организовать сопротивление нацистской агрессии. Поскольку в Москве договор между Гитлером, Муссолини, французским премьером Даладье и его британским коллегой Невиллом Чемберленом о присоединении Судетской области к Третьему рейху рассматривали как антисоветский жест, это было зачтено в пользу Броза²³⁷.

На этом кошмар для Броза еще не закончился. Осенью 1938 г. вместе с Владимиром Чопичем и Камило Хорватином он получил задание отредактировать сербско-хорватский перевод книги «История ВКП(б). Краткий курс», которая недавно была опубликована под именем Сталина. Это означало, что каждое слово в ней было свято²³⁸. Работа еще не была завершена, когда 3 ноября 1938 г. в отеле «Люкс» агенты НКВД, можно сказать, у Броза на глазах арестовали Чопича. «Ночью его увели». Ему никак не помогло то, что он сыграл видную роль в испанской гражданской войне, возглавляя англоамериканскую бригаду «Линкольн». Камило Хорватин также стал жертвой сталинских чисток, его обвинили в троцкизме. Поскольку Вальтер не захотел давать показания против него разбиравшей этот случай Контрольной комиссии, отговорившись тем, что, по совести, не может сказать того, чего не знает, у него снова возникли проблемы. Их стало еще больше, когда вышла «История ВКП(б)» в переводе, над которым он работал, – всего через несколько дней после ночного ареста двух других редакторов. Как только книга вышла из печати, Марич – Железар и их друзья нанесли Брозу новый удар²³⁹. В ряде писем, адресованных ИККИ, его обвинили в том, что он внес троцкистские формулировки в четвертую главу, где речь шла о диалектическом материализме, и таким образом уменьшил роль самого Сталина. К ним присоединился еврей из Осиека Драган Мюллер (в Москве его звали «Озрен»), который являлся главным редактором «Иностранного рабочего издательства». Возможно, он сделал это по указанию Коммунистической партии Германии, которая

²³² Eiletz S. Pred sodbo zgodovine. Stalin, Tito in jugoslovanski komunisti v Moskvi. Celovec: Mohorjeva, 2010. S. 154; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 329.

²³³ Eiletz S. Titova skrivnostna leta. S. 93; PГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 590.

²³⁴ Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 230; Vol. II. S. 327; Cenčič V. Titova poslednja ispovijest. S. 78, 79.

²³⁵ PГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1256. С. 27-38а; Broz Tito J. Zbrana dela. Vol. 4. S. 109118.

²³⁶ Dimitrov G. Diario. S. 117.

²³⁷ Ridley J. Tito. A Biography. P. 141; AS. Dedijer. Т. е. 111. Magnetofonska snimka. S. 74; Т. е. 242. Kopja iz memoarov druga M. Dilasa. S. 202; Adamič L. Orel in korenine. S. 447.

²³⁸ Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 56; Klinger IE, Kuljiš D. Tito. Neispričane priče. S. 158.

²³⁹ PГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 590. С. 23; AS. Dedjer. Т. е. 223. Pričevanja J. Kopiniča, 23.03.1988, O Titovem hapšenju u Moskvi; Т. е. 236. Pričevanje Kopinič, 1939 Istraga protiv Tita; Eiletz S. Pred sodbo zgodovine. S. 137.

использовала сомнительную репутацию Вальтера, чтобы доказать Коминтерну свою бдительность. Из-за этих обвинений Броз опять предстал перед Контрольной комиссией, на которой во второй раз ему с трудом удалось спасти свою жизнь. Копинич снова выступил в поддержку Вальтера и доказал его полную невиновность²⁴⁰. Александр Ранкович впоследствии справедливо заметил: «Если бы не было Копинича, не было бы и Тито»²⁴¹. Он был прав – о влиянии «Вальдеса» в Коминтерне свидетельствует даже его заработная плата: 3 тыс. рублей, при том что средняя заработная плата рабочего в Советском Союзе была 149 рублей²⁴². Избежав опасности, Вальтер, в утешение себе, на гонорар, полученный за перевод, купил бриллиантовый перстень с опалом, которым очень гордился. Однако и это его чуть не погубило²⁴³, поскольку одна агентка обвинила его в капиталистических наклонностях. Была ли это «молодая русская», с которой он жил в Москве в 1938 г., и которая, как известно из записей Копинича, каждый день писала о нем донесения?²⁴⁴

* * *

Осенью 1938 г. в Югославии состоялись важные выборы, на которых формально одержал победу Стоядинович, но только с помощью крупных подтасовок. Было ясно, что его режим долго не продержится. Поэтому Вальтер хотел как можно скорее вернуться на родину. По его оценке, сложившееся положение имело «судьбоносное значение для нашего государства, необходимо сделать всё для победы блока демократических сил.» Однако в Москве ему не дали на это разрешения²⁴⁵. Лишь 26 декабря 1938 г., после того как с него сняли обвинения, выдвинутые в Париже, в Сремска-Митровице и в самом Коминтерне, В. П. Коларов написал рекомендательное письмо, в котором предложил утвердить временное руководство КПЮ, назначенное Вальтером в Югославии, одобрить бюджет финансовой поддержки партии и дать указание журналу *Rundschau*, чтобы он не смел ничего публиковать без разрешения Вальтера (очевидно, это требование было направлено против «фракционеров»)²⁴⁶. Несмотря на эту благосклонность, 30 декабря 1938 г. у него состоялся жесткий разговор с Димитровым, подвергшим резкой критике хаотичные отношения, сложившиеся в КПЮ: «Ваша работа совершенно не имеет значения, она гнилая. Так, как вы это себе представляете, дело не пойдет»²⁴⁷. Поскольку, по мнению генерального секретаря ИККИ, наиболее активные югославские коммунисты, все подряд, включая Броза, являлись фракционерами, в тот момент было невозможно назначить новое партийное руководство, самое большее – только временное. В него должно входить от трех до пяти человек, которые будут вести работу на родине. Противореча собственным замечаниям, сделанным в начале беседы, Димитров в заключение своей филиппики именно Вальтера и назначил осуществлять этот план. В дневнике он записал только, что дал ему «последние указания», а именно: «Руководство (временное) в стране. – Конференция. Назначение постоянного руководства. В Париже: человек для коммуникаций»²⁴⁸. Более того, через несколько дней, 5 января

²⁴⁰ Cenčić V. Titova poslednja ispovijest. S. 94–96; *Idem*. Enigma. Vol. I. S. 103, 105, 106; Ridley J. Tito. A Biography. P. 139; AS. Dedjer. T. e. 199. Zapis Kopinič, 20.12.1980; T. e. 236. Zapis Tiča Stanojeviča; Zapis Kopiniča, 20.12.1980.

²⁴¹ Gligorjević M. Rat i mir Vladimira Dedijerja. S. 219, 220.

²⁴² AS. Dedjer. T. e. 261. J. Kopinič 12.07.1981, Titov plač za sinom.

²⁴³ Eiletz S. Titova skrivnostna leta. S. 101.

²⁴⁴ Simič M. Ženske. S. 158; Cenčić V. Enigma. Vol. I. S. 104; AS. Dedjer. T. e. 199. Zapis Kopinič, 20.12.1980; T. e. 201. 12.07.1981; T. e. 235. Istraga protiv Tita. S. 1.

²⁴⁵ AS. Dedjer. T. e. 111. Magnetofonska snimka. S. 75.

²⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 587.

²⁴⁷ Eiletz S. Titova skrivnostna leta. S. 73; Simič P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 110, 111, 123–129; Simič M. Ženske. S. 153; Гуренко Ю. С. Сталин – Тито. С. 64.

²⁴⁸ Dimitrov G. Diario. S. 151.

1939 г., Димитров снова принял у себя Броза и, воспользовавшись случаем, сообщил ему, что он назначен генеральным секретарем ЦК КПЮ и перед ним ставится задача изменить всю прежнюю структуру руководства: «Ты один остался! Это последний шанс. Или тебе удастся урегулировать (ситуацию), или всё будет распушено, как у поляков. Все арестованы. Люди, за которых я бы сунул руку в огонь»²⁴⁹. Сообщая об этом разговоре, решившем его судьбу, Броз скромно говорит, что был чрезвычайно удивлен, ведь у него не было намерений взять на себя руководство партией. Прежде всего его подгоняло желание спасти ее от роспуска, которым угрожали в Москве, и преобразовать в надежную революционную организацию с сильным руководящим коллективом. Именно ради этого он принял предложение Димитрова и обещал ему: «Мы смоем с себя пятно»²⁵⁰. «Никогда не хвастайтесь заранее!», – нахмурившись, ответил Димитров²⁵¹.

В тот же день, 5 января, состоялось заседание Секретариата ИККИ и Вальтеру был дан ряд указаний, как реорганизовать партию, добиться ее внутреннего единства и укрепить ее политически и организационно. Перед югославскими коммунистами ставилась задача сплотить народные силы в борьбе против опасности фашистской агрессии, объединить всех демократов в народно-демократический блок, при этом прежде всего стремиться к достижению единства профсоюзного движения. Предполагалось, что эта резолюция ляжет в основу «Открытого письма членам КПЮ», которое Вальтер должен был написать и распространить среди членов партии²⁵².

Однако, несмотря на это, единого мнения о Вальтере в рядах Коминтерна всё еще не было. Через два дня, 7 января 1939 г., Мануильский в письменной форме предложил Димитрову снять его с ответственной должности, которую ему только что доверили, и послать на «низшую» работу, поскольку он частично несет ответственность за крах экспедиции добровольцев в Испанию, произошедший двумя годами ранее. Опять его враги ставили ему палки в колеса, а в отделе кадров ИККИ к ним охотно прислушивались. Была создана новая комиссия, задачей которой было прояснить обстоятельства дела, и Броз был вынужден защищаться перед ней от обвинения в том, что он недостаточно тщательно контролировал набор добровольцев и проведение операции в целом. Его линия защиты была такой: он сваливал вину в первую очередь на объективные обстоятельства, на бурю на море, из-за которой корабль задержался. Комиссию он не смог убедить до конца, и Белов записал в заключении, что «тов. Вальтер еще не полностью признает свою ответственность за провал этой экспедиции»²⁵³. Но худших последствий не было, если не принимать во внимание то, что он не мог получить визу, на этот раз – для выезда из СССР. Пошли слухи, что в Москву прибыл Петко Милетич, который имеет веские доказательства его вины. Поэтому НКВД не выпустит его за границу. И лишь когда Димитров обратился к министру внутренних дел Л. П. Берии, ему разрешили уехать²⁵⁴. В те дни Вальтер пожаловался Караиванову, что его не отпустили домой, и тот посоветовал ему обратиться с письмом к Сталину. Ответ Броза примечателен: «Лучше, чтобы Сталин обо мне не знал»²⁵⁵.

²⁴⁹ *Dedijer V. Novi prilozci. Vol. III. S. 56.*

²⁵⁰ *Ibid. Vol. I. S. 240.*

²⁵¹ *Adamič L. Orel in korenine. S. 438; AS. Dedjer. T. e. 242. Kopja iz memoarov druga M. Dilasa. S. 222.*

²⁵² *РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1296; Гуренко Ю. С. Сталин – Тито. С. 66; Broz Tito J. Zbrana dela. Vol. 4. S. 144–151.*

²⁵³ *Eiletz S. Titova skrivnostna leta. S. 104; РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 411. С. 100, 101.*

²⁵⁴ *Dimitrov G. Diario. S. 153; Гуренко Ю. С. Сталин – Тито. С. 70, 71; AS. Dedijer. T. e. 236. Borba za opstanak KPI.*

²⁵⁵ *Ridley J. Tito. A Biography. P. 140; AS. Dedijer. T. e. 111. Magnetofonska snimka. S. 76.*

Во главе КПЮ

Коминтерн (т. е. советская секретная служба) назначил Вальтера генеральным секретарем ЦК КПЮ с правом вето, что означало, что по всем вопросам его слово было решающим. Понятно, что подобное не могло бы произойти, если бы в Москве ему не доверяли и, с другой стороны, если бы он этого не заслужил²⁵⁶. Позже он с гордостью заявил Луису Адамичу: «В Москве меня проверяли всеми способами. Доверяли только мне». Во всяком случае, это был бурный процесс, который Тито впоследствии в беседе с журналистами охарактеризовал словами: «Это было непросто и нелегко». Еще выразительнее его описал в своих воспоминаниях Родолуб Чолакович, говоря о настоящей драме, «в которой кипели необузданные страсти и головы падали с плеч, прямо как у Шекспира»²⁵⁷.

Броз сразу же показал, каким будет его стиль работы. Он собирался навести порядок в партии и руководить ею «железной рукой», как с одобрением говорили его сторонники. На основе советского опыта он понял, что невозможно осуществить революцию без партии нового типа, без идеологически и организационно централизованной структуры. По своей природе он был человеком действия: не любил болтовни, праздных фраз, ненужных сборищ, т. е. всего того, что до тех пор было характерно для КПЮ²⁵⁸. В этом смысле, благодаря своей наглядности и правильной интерпретации политики Народного фронта является показательной вышеупомянутая «Резолюция ЦК КПЮ – Директивы», написанная им в Москве и одобренная Коминтерном: «Перед лицом опасности, грозящей Югославии, главная задача КПЮ – организовать и поднять все ее народы на борьбу для защиты целостности и независимости государства от агрессии немецких и итальянских фашистов и им подобных. Необходимое условие для выполнения этой задачи: следует свергнуть нынешнее антинародное правительство Стоядиновича и сформировать правительство народной защиты, способное организовать оборону государства и без колебаний оказать сопротивление фашистской агрессии. <...> КПЮ и впредь будет поддерживать все массовые кампании демократического блока и других демократических организаций. <...> Одновременно КПЮ должна сблизиться со всеми партиями, организациями и группами, которые выступают в защиту независимости Югославии от Гитлера и Муссолини, и бороться вместе с ними, не исключая и организации Евтича (сербских националистов) и Корошеца (словенских клерикалов), если они действительно вступят на путь борьбы против немецкого и итальянского фашизма и их приспешников в государстве»²⁵⁹.

Длительное отсутствие Вальтера дало возможность развернуться фракционным группам, уверенным, что ему придется худо. Начали колебаться даже некоторые товарищи, которые находились в Париже, Испании и Канаде. Но тут вмешался Димитров. В письме КП Франции он указал, чтобы она поддержала Броза в борьбе с его противниками. Так и произошло: «Тогда наше дело окончательно победило»²⁶⁰. О том, насколько КПЮ в то время действовала в соответствии с указаниями Москвы, свидетельствует заседание временного руководства в Бохине 15 марта 1939 г., в котором, наряду с прочими, приняли участие Кардель, Джилас и Ранкович. Единодушно и – как сообщил Вальтер Ловро Кухару – «с радостью» приняли решение исключить из партии всех югославских коммунистов, арестованных и репрессированных в Советском Союзе, как «троцкистов» и «фракционеров», а также всех членов, являвшихся

²⁵⁶ Dilas M. Tito. S. 74–76.

²⁵⁷ Simič P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 156; Čolaković R. Kazivanje. Vol. III. S. 439.

²⁵⁸ Dilas M. Tito. S. 99; Čolaković R. Kazivanje. Vol. III. S. 553.

²⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 411. С. 104–106. Перевод цитаты сделан по тексту Й. Пирьевца.

²⁶⁰ AS. Dedijer. Magnetofonska snimka. S. 78.

обузой для партии в Париже и на Родине²⁶¹. Это была акция сталинского толка, показавшая, что, несмотря на все пережитые в Москве потрясения, Броз не смог критически дистанцироваться от его террора: в списке исключенных, помимо фамилий его врагов, встречаются и фамилии друзей, например Чопича. По возвращении он рассказывал товарищам, что, по мнению Димитрова, в Советском Союзе не избежали перекосов, но ведь в любом случае, чтобы удалить опухоль, нужно резать по живому²⁶². Очевидно, Броз был согласен с этой установкой и проводил ее в жизнь даже в своем кругу. При этом он мог положиться на поддержку всех товарищей. «Мы гордились своей преданностью Сталину, – вспоминал Джилас, – и тем, что ощущаем себя последовательными большевиками. Быть большевиком стало в партии высшим идеалом, а Сталин для нас являлся воплощением всего большевистского»²⁶³.

В 1939 г. Вальтер вернулся из Москвы, убежденный, что партия должна стоять на своих ногах. По словам Джиласа, он был доволен, когда ему сообщили, что КПЮ в финансовом отношении стала полностью независима от Коминтерна. «Это было первое самоопределение, намного более важное, чем нам казалось в то время»²⁶⁴. Следует отметить, что историки подчас преувеличивали значение этого «самоопределения». В 1940 г. из Москвы прислали чемодан с двойным дном, в котором помимо тайных сообщений находилась и крупная сумма в долларах²⁶⁵. Преувеличивали они и роль Вальтера в формировании новой партии. Как ее секретарь он до войны по большей части был за границей, а значит, никогда не принимал участия в заседаниях высших партийных органов. Так, например, он не присутствовал на заседаниях сербского партийного комитета, даже если находился в Белграде во время их проведения²⁶⁶.

Одним из решающих успехов КПЮ в конце 1930-х гг. стал подъем молодежной коммунистической организации, Союза коммунистической молодежи Югославии (СКМЮ), объединявшей учеников средних школ и студентов университетов, среди которых марксистские идеи пустили глубокие корни. Поскольку прежнее подозрительное отношение к молодежи ушло в прошлое, партия вскоре укрепила свои позиции, прежде всего в студенческом университетском сообществе, создав в нем легальную организацию. Британское посольство сообщало в Foreign Office: «В одном только Белграде в университете учатся более 10 000 молодых людей. И если более половины, а может, и три четверти из них настроены прокоммунистически, то виной тому страх перед будущим. В Югославии есть культурный пролетариат, который требует хлеба и работы»²⁶⁷. СКМЮ стал, можно сказать, партией в партии, поскольку в нем было больше членов, чем в КПЮ. Югославское коммунистическое движение тем самым подчеркивало, что является выразителем протеста в большей степени интеллектуальных, нежели малочисленных рабочих масс, в которых не было радикальных настроений. В 1939 г. в Югославии было не более 730 тыс. «рабочих», да и из них едва ли половина работали на крупных промышленных предприятиях²⁶⁸. Приток новых людей означал увеличение суммы членских взносов (за приходом и расходом следил сам Броз), расширился также круг людей, симпатизировавших партии. Они не являлись ее членами, но были настроены антифашистски и видели в ней единственную организацию, способную к обновлению. При этом примечательно, что на партийных собраниях не обсуждалась внутренняя ситуация в СССР, как будто там ничего не

²⁶¹ *Dedjler V. Novi prilozi. Vol. II. S. 326; PГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 411. С. 122; Ф. 495. Оп. 11. Д. 371. С. 2, 6; Simiĉ P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 131–133; Simiĉ P., Despot Z. Tito. Strogo poverljivo. S. 95–98.*

²⁶² *Dilas M. Tito. S. 86.*

²⁶³ *AS. Dedjler. T. e. 242. Kopja iz memoarov druga M. Dilasa. S. 120.*

²⁶⁴ *Dilas M. Tito. S. 87.*

²⁶⁵ *Dedjler V. Novi prilozi. Vol. II. S. 362; Vol. III. S. 28; Simiĉ P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 281; AS. Dedjler. T. e. 229. V. Dedjler, S Kopiniĉem uoĉi godišnjice Kerestince, 13.07.1981. S. 3; Simiĉ P., Despot Z. Tito. Strogo poverljivo. S. 102, 103.*

²⁶⁶ *Dilas M. Tito. S. 114.*

²⁶⁷ *Deakin F. IE Yugoslavia. The British Image of Yugoslav Communism (1921–1941). P. 21.*

²⁶⁸ *Dedjler V. Novi prilozi. Vol. II. S. 936.*

происходило – ни хорошего, ни плохого. Несмотря на то что конфронтация по отношению к нему еще не прекратилась, Броз в следующие месяцы постепенно укреплял свое положение. 9 и 10 июня 1939 г., в Тацене под Шмарна-Горой близ Любляны, в обстановке строгой секретности он созвал совещание руководящего состава, на которое прибыли 30 товарищей со всей Югославии. На нем еще раз решительно осудили фракционность и создание группировок и одобрили ряд мер против Петко Милетича²⁶⁹. Хотя Марич и Кусовац, как и Петко Милетич, были в числе тех, кого Броз и его товарищи исключили из КПЮ, все трое, естественно, продолжали вести против него агитацию, по-прежнему не признавая его права руководить партией²⁷⁰. Маричу и Кусовацу даже удалось убедить югославских эмигрантов в Америке отказаться от финансовой поддержки КПЮ, сообщив им, что ею руководят люди, у которых Коминтерн отобрал мандат²⁷¹. Из них троих наибольшую опасность для Вальтера представлял Милетич, которого в июне 1939 г. выпустили из тюрьмы, а значит, он теперь имел возможность еще больше интриговать против соперника сначала в Югославии, а затем и в Москве. Броз вспоминал о нем позднее как о ночном кошмаре: «Петко пишет, пишет...»²⁷² В Черногории он собрал вокруг себя коммунистов, исключенных из партийных рядов, и «в идеологическом плане отравил их клеветой». Когда Джиласу и его соратникам в конце сентября 1939 г. удалось достать оригиналы документов о поведении Милетича в полиции, из которых якобы стало очевидно, что он держался вовсе не так мужественно, как говорили, эти материалы немедленно послали в штаб-квартиру Коминтерна. (Конечно, как отмечает Дедиер, остается под вопросом, не были ли они сфабрикованы.) В ответ Милетич уехал в Стамбул, где с помощью своих болгарских товарищей получил в советском консульстве визу в СССР. Он отправился в Москву, убежденный, что по-прежнему имеет там верных защитников, которые спасут его от «простой швали и сброда».

В начале сентября 1939 г. в советскую столицу через Гавр и Ленинград вернулся и Броз. Он прибыл по вызову Коминтерна, так как многие его члены всё еще относились к нему с недоверием, убежденные, что он так и не отказался от своих «троцкистских» симпатий и что его политика слишком радикальна²⁷³. Когда он плыл на корабле «Сибирь», произошло два судьбоносных события, ставших для него неожиданностью. Он узнал о подписании пакта между Советским Союзом и Германией, согласно которому оба государства обязывались соблюдать нейтралитет в случае войны. А когда корабль вошел в Балтийские воды, пришло известие о нападении Гитлера на Польшу²⁷⁴. Но после приезда в Москву Вальтеру пришлось посвятить больше внимания акции, развернутой против него Милетичем, чем началу Второй мировой войны. В тот момент Копинич снова оказал ему большую услугу: он написал донос на Милетича на пятидесяти страницах и направил его в Коминтерн и ЦК КПСС. При этом А. А. Андреев, секретарь ЦК, и Мануильский дали Копиничу карты в руки, позволив ему изучить все необходимые архивы, в том числе и материалы 1920-х гг. Выглядело так, будто Милетич еще в 1923 г., когда был впервые арестован, сломался под нажимом полиции и предал. В Сремска-Митровицу власти посадили его якобы как агента-provokatora. Вкупе с материалами, собранными Джиласом, донос Копинича стал настолько убедительным доказательством вины, что через три или четыре дня, 5 января 1940 г. Милетича арестовали, а 21 сентября осудили на восемь лет каторги. Умер он в конце января 1943 г. в одном из сталинских лагерей, по другой версии – дожил до 1971 г.²⁷⁵ Вальтер встретил своего смертельного врага всего лишь два-

²⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 411. С. 66; Гуренко Ю. С. Сталин – Тито. С. 56; AS. Dedijer. T. e. 111. Magnetofonska snimka. S. 82.

²⁷⁰ Eiletz S. Titova skrivnostna leta. S. 74–76, 91; РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 411. С. 113117.

²⁷¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 591. С. 14.

²⁷² Dedijer V. Novi prilozhi. Vol. III. S. 56.

²⁷³ Swain G. R. Tito and the Twilight. P. 212.

²⁷⁴ AS. Dedjer. T. e. 111. Magnetofonska snimka. S. 85.

²⁷⁵ Eiletz S. Titova skrivnostna leta. S. 106, 107; Simič P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 141; Simič P., Despot Z. Tito. Strogo poverljivo.

жды: в штаб-квартире Коминтерна, куда он имел свободный доступ, и в московском автобусе – Милетич стоял прямой как столб и держался правой рукой за поручень. С мрачным худым лицом, безучастный, хотя с поврежденной кисти руки у него капля за каплей стекала кровь²⁷⁶.

Вальтер испытал один из самых полных моментов удовлетворения в его жизни, когда Димитров сказал ему об аресте Милетича. Он сразу отправился к Дамьянову – Белову, влиятельному болгарину, поддерживавшему Петко и предлагавшему назначить его секретарем КПЮ²⁷⁷. Когда Тито вошел к нему в комнату, тот встретил его с надменностью бюрократа из высших кругов: «Как дела, товарищ Вальтер? Что нового?» «Ничего, ничего, – ответил Броз. – Ничего такого, единственное, что могу припомнить, это что Петко арестовали». Дамьянов был настолько удивлен и ошарашен, что побледнел и вскочил. Полчаса он не мог вымолвить ни слова²⁷⁸.

S. 95; *Dedijer V. Novi prilozhi*. Vol. III. S. 26; *Cencič V. Titova poslednja ispovijest*. S. 88, 92; *Idem. Enigma*. Vol. I. S. 101, 107–112; *Гуренко Ю. С. Сталин – Тито*. С. 79, сн. 5; AS. *Dedijer*. Т. е. 236. *Pismo Stevana Popoviča – Dilasu*, 15.03.1984.

²⁷⁶ *Dedijer V. Novi prilozhi*. Vol. III. S. 56; *Spomini tovariša Tita na slavno preteklost*; AS. *Dedijer*. Т. е. 223. *Izjava J. Kopiniča* 23.03.1988, *Dilas – Petko Miletič*.

²⁷⁷ *Cencič V. Enigma*. Vol. I. S. 95.

²⁷⁸ AJ. 837. KPR. IV-5-b. K 49. *Zabeleška J. Vilfana na vreme provedeno u SSSR*. 21.12.1953; *Spomini tovariša Tita na slavno preteklost*; *Cencič V. Enigma*. Vol. I. S. 113.

Вторая мировая война

Впервой половине 1939 г. КПЮ энергично вела антифашистскую пропаганду. В письме к Димитрову от 20 июня 1939 г. Вальтер сообщал о своей работе и, помимо прочего, написал: «Что касается защиты государства, то мы уже в марте опубликовали обращение ЦК, которое произвело большое впечатление не только на рабочих, но и на буржуазные партии. – В деле мобилизации народных сил против агрессоров наша Партия стоит в первых рядах»²⁷⁹. 7 апреля, когда Италия Муссолини напала на Албанию и осуществила ее аннексию, партийная организация Белградского университета решительно осудила «разбойнически-захватническую политику провокационной оси Берлин – Рим»²⁸⁰. Но уже в августе неожиданно был заключен договор между Москвой и Берлином о взаимном нейтралитете в случае войны. Этот головокружительный поворот Сталина по отношению к «злейшему врагу мира – гитлеровской Германии»²⁸¹ оказал воздействие на югославских коммунистов, веривших в непогрешимость его догм. Если они смирились с его террором, то могли переварить и его политическое «сальто мортале» в убеждении, что это тактический шаг, который обеспечит Советскому Союзу нейтралитет в момент, когда война между «империалистическими» силами уже на пороге²⁸².

Когда из-за вторжения Гитлера в Польшу 1 сентября 1939 г. и из-за решения Великобритании и Франции встать на ее защиту вспыхнула война, Вальтер и иже с ним видели в происходящем доказательство того, что началось столкновение между противоборствующими империалистическими блоками. А значит, эта война «не может быть войной рабочего класса»²⁸³. Когда же Германия и Советский Союз 29 сентября подписали еще и Договор о дружбе и границе, в котором был заложен их общий вызов миру, они немедленно приспособились и стали делать акцент на вине западных «колониальных» сил и «преступной политике английских и французских подстрекателей», а не на захватнических амбициях нацистской Германии²⁸⁴. После подписания упомянутого дополнительного договора Красная армия вторглась в Польшу. В связи с этим Мануильский созвал на заседание всех представителей коммунистических партий, находившихся тогда в Москве. На нем присутствовал и Броз. Мануильский дал разъяснения по поводу договора с немцами и добавил, что это вопрос политики и тактики, и его не следует рассматривать как препятствие к тому, чтобы все партии, кроме советской, продолжали борьбу с фашизмом. Он дал задание составить в соответствии с вышеизложенным проекты воззваний для каждой из партий, в которых будут намечены направления их будущей деятельности. Никто, кроме Вальтера, этого не сделал, просто из опасений сказать что-нибудь лишнее. Вальтер написал текст, в котором констатировал, что Югославия всё еще находится под угрозой немецкого и итальянского фашизма, злейшего врага прогрессивного человечества. Мануильский с воодушевлением одобрил это воззвание, отметив, что автор думает своей головой²⁸⁵. Но эта попытка сформировать автономную политическую линию была прервана. Совсем скоро, когда Советский Союз напал на Финляндию, в оценке международного положения возобладала точка зрения Сталина – борьба против фашизма не имеет существенного значения. Следует

²⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 591. С. 19. Перевод цитаты дан по тексту Й. Пирьевца.

²⁸⁰ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 257.*

²⁸¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1109. С. 99.

²⁸² AS. *Dedjer. T. e. 7. E. Kardelj. Tito na istorijskim raskršćima. S. 17.*

²⁸³ *Ibid.*

²⁸⁴ *Swain G. R. The Comintern and Southern Europe // Resistance and Revolution in Mediterranean Europe 1939–1948 / Ur. T. Judt. London; New York: Routledge, 1989. P. 34.*

²⁸⁵ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 360; Stefanović M. Podpis: Tito. S. 24; Bajt A. Bermanov dosje. S. 758; Dimitrov G. Diario. S. 185; Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 178; Гуренко Ю. С. Сталин – Тито. С. 75; Damjanović P. Originalnost i teškoće Titovog puta; AS. *Dedijer. T. e. 111. Magnetofonska snimka. S. 86; Čavoški K. Tito. Tehnologija vlasti. S. 276.**

вернуться к так называемой «классовой конфронтации», акцентировать внимание на борьбе «класса против класса», пролетариата против буржуазии. «В условиях, когда гитлеровские войска перекраивали карту Европы, когда наступление фашизма шло по всем фронтам, – говорил впоследствии Тито, – такая политика, отвергавшая национальные интересы и защиту независимости, я чувствовал, может стать роковой»²⁸⁶. Если бы он озвучил тогда эту мысль, последствия для него были бы еще более роковыми. Так что он и сам поддержал «мудрую сталинскую линию мира», которая вынудила Гитлера «капитулировать перед Советским Союзом, опирающимся на непобедимую рабоче-крестьянскую армию и на любовь и поддержку миллионов трудящихся»²⁸⁷. Он и его товарищи в последующие месяцы поддерживали политику Советского Союза, когда он поэтапно «освобождал двадцатимиллионные народы Белоруссии, западной Украины, Бессарабии и Буковины, Литвы, Латвии и Эстонии <...> от капиталистического рабства». В органе Коминтерна *Die Welt*, выходившем в Стокгольме, Вальтер написал, что югославы с воодушевлением приветствовали эти подвиги²⁸⁸.

Что касается среды студенческой молодежи, где преобладали левые настроения, тут он не преувеличивал. Как сообщал из Белграда 21 декабря 1939 г. Ганс Гельм, который, в соответствии с договором обоих правительств,

руководил делегацией немецкой полиции в Югославии, признаки деятельности коммунистов в студенческой среде были очень заметны. При этом, по его мнению, не следовало упускать из виду положительные последствия заключения пакта Риббентропа – Молотова – ведь коммунистическая пропаганда играла на руку Германии. Антинацистские выпады прекратились, средоточием полемики стала борьба против английского и французского империализма. «До подписания германско-российского пакта коммунисты являлись самыми большими националистами в Югославии. Студенты-коммунисты в Белградском университете формировали добровольческие батальоны, обучение в которых вели офицеры. После подписания пакта все эти добровольцы исчезли. До 23 августа коммунисты ожидали, что вот-вот вспыхнет война. Сейчас они стали крайними пацифистами. . .»²⁸⁹ В конце ноября 1939 г., когда Советский Союз напал на Финляндию, из-за чего его 14 декабря исключили из Лиги Наций, в Белграде прошли прорусские манифестации, на которых студенты восклицали: «Лучше умереть на улицах Белграда [в борьбе против буржуазии. – *Й.П.*], чем на словенской границе [сражаясь с немцами. – *Й.П.*]». Среди них преобладало мнение, что «Гитлер не представляет никакой опасности для независимости Югославии»²⁹⁰. В то время британские дипломаты были убеждены, «что в этом государстве большая часть коммунистической пропаганды – дело немецких денег и немецких агентов». Как отмечено в приложенном к этому донесению меморандуме, коммунисты мастерски умели играть на социальной струне, а также на панславистских чувствах, причем их демагогия, несомненно, пользовалась успехом²⁹¹.

* * *

Правда, она находила отклик лишь в некоторых левых кругах: многие в Белграде и в Любляне не смогли переварить пакта Риббентропа – Молотова и внезапной политической переориентации КПЮ, продиктованной Москвой. Еще больше таких людей было в Загребе,

²⁸⁶ AS. Dedijer. Т. е. 111. Magnetofonska snimka. S. 87.

²⁸⁷ *Bajt A. Bermanov dosje. S. 745.*

²⁸⁸ *Ibid; ČolakovićR. Kazivanje. Vol. III. S. 566, 567, 587.*

²⁸⁹ *Deakin F. W Yugoslavia. The Military Organisation of the Yugoslav Communist Party (1918–1940). The Setting (1941). P. 9; The British Image of Yugoslav Communism (1921–1941). P. 16.*

²⁹⁰ *Bajt A. Bermanov dosje. S. 775.*

²⁹¹ *Deakin F. W. Yugoslavia. The British Image. P. 18, 23; TNA. FO 371/23877 R12201; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 593.*

несмотря на то что там коммунисты активно раздували хорватский национализм и вражду к Белграду²⁹². Помимо борьбы за власть и за выживание, Броз в то время пришлось столкнуться и с сопротивлением, возникшим среди хорватских левых интеллектуалов, критически относившихся как к социалистическому реализму, внедрявшемуся Москвой, так и к ее вмешательству в испанскую гражданскую войну, а также к сталинскому террору, московским процессам и сибирским лагерям. Возглавил эту оппозиционную группу Мирослав Крлежа – Фриц, в то время крупнейший литератор Хорватии, знавший многое о сталинских чистках, поскольку о них ему поведал один из «экзекуторов». Он разговаривал с ним до рассвета, но не пожелал раскрыть содержание этой беседы. Сказал только, что никогда не слышал более «демонической» истории²⁹³. Он стал рупором течения «ликвидаторов» и во время выборов в декабре 1939 г. заявил, что партия должна отказаться от независимого выступления своей Партии трудящегося народа в рамках Объединенной оппозиции, поскольку революции не будет. Ей следует выступать только как левое крыло Хорватской крестьянской партии. Он и его единомышленники были убеждены, что в условиях обострившейся из-за агрессивной политики Гитлера международной ситуации не имеет смысла замыкаться в бесплодном радикализме. «Он не верил в победу революции, – вспоминал Тито впоследствии, – поскольку рассматривал только физическое и материальное соотношение сил. Я говорил ему: это точные факты, но без учета морального фактора. Воли и веры в победу»²⁹⁴. Короче говоря, Тито придерживался ортодоксальной политической линии, и это вызвало раскол, который только усугубился, когда пришла неожиданная новость о заключении пакта Риббентропа – Молотова. Для представителей левых кругов интеллигенции, которые умели думать своей головой, она стала ударом. Еще вчера фашисты были «зверьями», с которыми невозможен никакой диалог. Сегодня они стали союзниками²⁹⁵.

Убедить Мирослава Крлежу и людей, группировавшихся вокруг его ежемесячника *Pečat*, в том, что Сталин всегда прав, было сложнее, чем белградских студентов. Однако Броз сделал всё возможное, чтобы преодолеть так называемый «раскол среди левых литераторов». Еще до своего отъезда в Москву он встретился с Крлежаей в одном из кафе на окраине Загреба и попытался втолковать ему, что нельзя подрывать авторитет партии. Они заметили группу подозрительных людей, которые зашли во двор, где они сидели. «И тут я впервые увидел Тито в деле, – рассказывает Крлежа. – Сидит спокойно, смотрит вниз, на маленькие ступени у входной двери, ведущие в сад. Вытаскивает револьвер из кармана, заряжает его, кладет рядом с собой на скамью и говорит мне: “Я в любом случае окажу сопротивление. Я не могу по-другому, ну а ты перелезь через ограду и беги наверх”. И еще дал мне указания, по какой дороге идти. Хладнокровно»²⁹⁶.

* * *

Но Броз был не только хладнокровным, но и упорным. Осенью, приехав в Москву, он попытался воздействовать на Крлежу и иже с ним, но успеха не добился. В донесении о положении в Югославии, написанном в сентябре 1939 г. для Коминтерна, он упомянул, что «троцкисты», подвизавшиеся в литературной сфере, своей ревизией марксизма вносят смуту в ряды

²⁹² Deakin F. IF. Yugoslavia. The British Image. P. 22; Bajt A. Bermanov dosje. S. 769.

²⁹³ Očak I. Gorkič. S. 260, 261; Čolaković R. Kazivanje. Vol. III. S. 430.

²⁹⁴ Čosič D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 176; Gligorjevič M. Rat i mir Vladimira Dedijerja. S. 204, 206, 210; Swain G. R. Tito: the formation. P. 260; Očak I. Krleža – Partija. Miroslav Krleža u radničkom i komunističkom pokretu 1917–1941. Zagreb: Spektar, 1982.

²⁹⁵ Zagreb i Hrvatska. S. 54; AS. Dedijer. T. e. 242. Kopja iz memoarova druga M. Dilasa. S. 206.

²⁹⁶ Očak I. Gorkič. S. 249; Čolaković R. Kazivanje. Vol. III. S. 609, 610.

интеллигенции, и партия решительно борется против них²⁹⁷. В Коминтерне полностью одобрили эту политику и на заседании 23 ноября дали положительную оценку работе Вальтера²⁹⁸. Следует упомянуть, что по-прежнему далеко не все члены вышеупомянутой организации были склонны его поддерживать. Поскольку Вальтер в то время заболел гриппом с высокой температурой, приковавшем его к постели, он уехал из Москвы только 26 ноября 1939 г. (Его ближайшие соратники уже боялись, что он сгинул в застенках НКВД.) Он отправился в Турцию, так как Караиванов посоветовал ему не возвращаться на поезде через Прагу, где ему грозит покушение со стороны московских врагов. На станции он зашел в вагон, вышел из другой двери и вскочил в поезд на Одессу. Он приехал в Советский Союз под именем чешского инженера Томанека, а уехал оттуда под именем канадца греческого происхождения Спиридона Матаса²⁹⁹. Прибыв в Стамбул, он задержался там надолго, поскольку счел небезопасным продолжать поездку с паспортом, на котором стояла советская виза³⁰⁰. К тому же у него не было транзитных болгарской и югославской виз, которые югославские власти с недавних пор стали требовать от британских подданных. Поэтому он дал поручение товарищам на родине прислать ему новые поддельные документы. Но тут дело застопорилось. «Велебит и Герта, – рассказывал Тито позднее, – принесли настолько плохо изготовленные паспорта, что первый же жандарм мог нас арестовать». И добавил, с ядовитым намеком в адрес Карделя: «У нас была такая техника, которой заведовал Бевц³⁰¹, что мы могли бы печатать фальшивые банкноты. Мне же послали такие паспорта, что казалось, будто кто-то хочет тебя подставить»³⁰². В письме Копиничу, написанном по прошествии многих лет, он высказался еще яснее: «Кардель в 1940-м хотел меня уничтожить!» Броз подозревал, что тот хочет избавиться от него, поскольку Кардель знал, что он едет на родину, чтобы занять руководящее положение в КПЮ³⁰³.

Лишь 13 марта 1940 г. Броз вернулся на родину с документом, изготовленным для него в Коминтерне, и с подделанной там же югославской транзитной визой³⁰⁴. Чтобы не вызвать подозрений, он купил билет первого класса на пароход «Рекс», который должен был в середине марта отплыть из Неаполя и Генуи в Нью-Йорк. В Геную он отправился на поезде. На греческо-югославской границе его паспорт, якобы выданный английским консульством в советской столице, показался полицейским подозрительным. Они потребовали объяснений. Он выкрутился, отговорившись тем, что его паспорт был просрочен, и, поскольку ему срочно потребовалось по служебным делам уехать из Советского Союза, ему выдали новый³⁰⁵. В Загребе он вышел из поезда, якобы прогуляться по перрону, и остался там. Ощущение, что он в опасности, оказалось обоснованным: подтверждение он получил через несколько дней, когда в кафе «Корсо» прочитал в новостях, что на Гибралтаре британские власти задержали и обыскали итальянский пароход в поисках некоего подозрительного человека. Корабль опоздал на шесть часов, что вызвало бурный протест у пассажиров. «А я сижу в Загребе»³⁰⁶.

²⁹⁷ Ibid; *Broz Tito J. Zbrana dela*. Vol. 5. S. 18.

²⁹⁸ *Swain G. R. Tito*. P. 361.

²⁹⁹ AS. Dedijer. T. e. 3. Jovanka; *Adamič L. Orel in korenine*. S. 449.

³⁰⁰ *Velebit V. Svjedok*. S. 59; *Stefanovič M. Podpis: Tito*. S. 24; *Dedijer V. Novi prilozhi*. Vol. I. S. 260; AJ. 838. LF III-10/2. Fotokopija tranzitne vize izdate u Turskoj sa Spirodona Mekasa sa slikom Josipa Broza, 19.02.1939.

³⁰¹ Псевдоним Карделя.

³⁰² *Cenčič V. Titova poslednja ispovijest*. S. 97, 152, 291, 292; *Гуренко Ю. С. Сталин – Тито*. С. 80; *Velebit V. Svjedok*. S. 60; AS. Dedijer. T. e. 261. Pogovor V. Dedijerja s S. Dolancem, okt. 1984; Pasoši za Tita; J. Kopinič, 12.07.1981. Zašto Titu 1940 godine nisu slali dobre isprave; T. e. 262. Herta Haas. S. 47.

³⁰³ AS. Dedijer. T. e. 252. Tito: O svom ilegalnom putovanju (iz SSSR u Jugoslaviju preko Istanbula); *Bisenič D. Život bez rukavica // Danas*. 2009. 30.12. S. 4.

³⁰⁴ *Ridley J. Tito. A Biography*. P. 150; *Kranjc M.F. Zarote in atentati na Tita*. S. 298.

³⁰⁵ *Clissold S. Dilas*. P. 34.

³⁰⁶ *Гуренко Ю. С. Сталин – Тито*. С. 80; *Ridley J. Tito. A Biography*. P. 151; AS. Dedijer. T. e. 111. Magnetofonska snimka. S. 89; *Adamič L. Orel in korenine*. S. 449, 450; *Broz Tito J. Izjava uredniku «Anadolske agencije»*. Zbrana dela. 8. S. 21, 22 (srbohrvaški

В хорватской столице он объявился в середине марта 1940 г., очень рассерженный, поскольку ему казалось, что товарищи пытались вывести его из игры, может, даже в пользу Милетича. «У меня было ощущение, – вспоминал Джилас, – что по возвращении из Москвы Тито подозревал и меня – в том, что я помог Петко получить паспорт». Так что на первом заседании ЦК произошло довольно бурное выяснение отношений, во время которого Броз выплеснул всё свое раздражение по поводу того, что был вынужден целых два месяца ждать в Стамбуле. С Карделем он, очевидно, уже разобрался, теперь на очереди был Джилас. Объяснение, что в то время, когда он был в отъезде, мастера, умевшего подделывать печати, арестовали, вовсе не помогло, хуже того – и Герта Хаас стремилась разжечь в нем гнев. Упреки привели Джиласа в такое негодование, что он не стал оправдываться, а когда в конце концов попытался заговорить, глаза его наполнились слезами. «Однако, когда заседание закончилось и я еще весь был в напряжении <...>, он подошел ко мне и предложил прогуляться. Обычно он редко ходил по Загребу, поскольку мог наткнуться на какого-нибудь знакомого. Но тогда пошел. Я думал, что он хочет передо мной извиниться, и ледяная скованность стала меня отпускать. Но он этого не сделал. Просто начал говорить со мной обо всем подряд, больше всего о моей личной жизни и моих обстоятельствах. Время от времени он ласково улыбался. Во всем этом было что-то очень теплое и человеческое, и, когда мы распрощались, я ушел довольный, как ребенок, чей отец понял, что наказал его несправедливо, хотя и не хочет признаться перед ним в этом»³⁰⁷.

В хорватской столице Брозу снова пришлось разбираться с Крлежей, который дважды давал ему обещание прекратить свою «кампанию» против пакта Риббентропа – Молотова, но не сдержал его. По словам Герты Хаас, в те месяцы, когда Вальтер должен был приложить максимум усилий к тому, чтобы укрепить партию и распространить ее программу в народных массах, как минимум половину своего рабочего времени он тратил на разговоры с «крлежанцами»³⁰⁸. Поскольку ему не удалось их переубедить, он еще раз заклеил их как «троцкистов», а в ответ на их «писанину» даже организовал в Загребе издание сборника «Литературные тетради», редактирование которого доверил Владимиру Дедиеру. Он лично вместе с Карделем прочитал и отредактировал текст перед публикацией³⁰⁹.

Крлежу особенно задевала судьба тех знакомых и друзей, которые «отдали свою жизнь за большевизм [и] были ликвидированы под собственными знаменами»³¹⁰. На выдвигавшиеся писателем обвинения в адрес сталинского террора Вальтер отвечал: «Ну и что нам делать в этой ситуации, когда тут новая мировая война? На кого опереться? У нас нет другого выхода, как опереться на СССР, какой бы он ни был»³¹¹. Всё было напрасно: Крлежа не присоединился к движению сопротивления во время войны, хотя Тито послал ему целых восемь депеш с приглашением приехать на освобожденную территорию. Но он долго не верил в жизненную силу партизанской авантюры, а кроме того был убежден, что, если он это сделает, его «зарежут» как ревизиониста³¹². Из-за нежелания Крлежи принять участие в народно-освободительном движении Тито после войны с трудом удалось спасти ему жизнь, хотя он лично с ним помирился. Когда в августе 1945 г. писатель, подав личное прошение, впервые пришел в Белый дворец, он принял его так холодно, что даже не поздоровался с ним за руку, только резко сказал:

izvod).

³⁰⁷ AS. Dedjer. T. e. 242. *Kopja iz memoarov druga M. Dilasa*. S. 118, 219, 220.

³⁰⁸ *Zagreb i Hrvatska*. S. 54; *Banac I. Sa Staljinom protiv Tita*. S. 80–82.

³⁰⁹ *Dedjer V. Novi prilozii*. Vol. III. S. 217; *Gligorjevič M. Rat i mir Vladimira Dedijerja*. S. 205; *Očak I. Gorkič*. S. 242, 243; *Kalezjč V. Dilas miljenik in odpadnik komunizma. Kontroverze pisca i ideologa*. Beograd: Zodne, 1988. S. 110, 111.

³¹⁰ *Očak I. Gorkič*. S. 251; *Čolaković R. Kazivanje*. Vol. III. S. 611.

³¹¹ *Dedjer V. Novi prilozii*. Vol. III. S. 18.

³¹² NSK. M. Krleža. «A» 169; *Ispovjest*. S. 139; *Čosič D. Piščevi zapisi (1951–1968)*. S. 127, 176; *Ridley J. Tito. A Biography*. P. 145; *Gligorjevič M. Rat i mir Vladimira Dedijerja*. S. 153, 211; *Dilas M. Vlast kao strast // Start*. 1989. 21.01. S. 28; AS. Dedjer. T. e. 242. *Kopja iz memoarov druga M. Dilasa*. S. 206, 210.

«Садись!» Однако уже после получасового разговора Тито пригласил его на обед. Очевидно, победило товарищество, возникшее еще перед Первой мировой войной в загребской казарме, где они вместе проходили военную службу³¹³.

* * *

Изменение политической линии повлияло и на отношение коммунистов к внутреннему положению в Югославии. Если до заключения пакта Риббентропа – Молотова они стремились к диалогу со всеми, кто был готов его вести, то после него они смотрели на происходящее сквозь новые идеологические очки, т. е. так, как диктовал Коминтерн. В директивах, переданных Вальтеру в ноябре 1939 г., четко указывалось, что КПЮ должна серьезно укрепить «большевистскую бдительность и дисциплину» и не быть просто «довеском на хвосте Владко Мачека и социал-демократии»³¹⁴. В этом духе он и организовал работу, особенно в Далмации, «раковой опухоли нашей партии», где находилось большинство фракционеров. Со всей решительностью он их денонсировал и призвал лояльных членов партии бойкотировать их, разорвать с ними все связи и даже не здороваться при встрече на улице³¹⁵.

Договор между председателем белградского правительства Цветковичем и лидером Хорватской крестьянской партии (ХКП) Мачеком об автономии Хорватской бановины в рамках Югославии, который еще накануне коммунисты приветствовали бы, в контексте этой правоверности неожиданно стал договором двух буржуазий, которые не способны решить ни национальный вопрос в Югославии, ни какой-либо другой, например аграрный. Что касается внешней политики, то Броз и его товарищи теперь опасались, что новое коалиционное правительство Цветковича – Мачека будет слишком расположено к Великобритании и Франции и позволит вовлечь себя в их «империалистическую» войну. Они считали, что единственный выход – скорейшее заключение союза Югославии с СССР, «который, благодаря своей миролюбивой политике, является сильнейшим противником империалистической войны и гарантом независимости и мира малых государств»³¹⁶. Этого потребовал от балканских народов Коминтерн в специальной резолюции³¹⁷. Тот факт, что Сталин в середине марта отхватил у Финляндии значительный кусок ее территории и намеревался проделать то же самое и с румынской Бессарабией, естественно, никого из правоверных не смущал³¹⁸, как и «Blitzkrieg»³¹⁹ Гитлера в северо-западной Европе. В устном сообщении, переданном в Москву в конце мая через посредника, Вальтер вообще не упоминает об этом факте. При этом он подробно рассказывает о том, что в Югославии (за исключением словенских и хорватских клерикальных кругов) всё еще распространены англо- и франкофильские настроения: «Одновременно с ростом враждебного отношения к Италии растет также и отрицательное отношение к ее союзнице, гитлеровской Германии. Заключение германско-советского пакта немного умерило антинемецкие настроения. Однако антинемецкие чувства вновь усилились после нападения Германии на Норвегию и Данию, и стали еще глубже с тех пор, как война охватила также Нидерланды и Бельгию. Но осознание того, что эти государства вовлекла в войну подстрекательская политика Великобритании и Франции, еще не утвердилось в широких массах»³²⁰.

³¹³ AS. Dediđer. T. e. 242. Kopja iz memoarov druga M. Dilasa. S. 210; *Krleža M. Moji susreti s Titom // Večernji list*. 1972. 23.05. S. 4.

³¹⁴ *Simič P. Tito. Skrivnost stoletja*. S. 139.

³¹⁵ *Ridley J. Tito. A Biography*. P. 152; *Broz Tito J. Zbrana dela*. Vol. 6. S. 15.

³¹⁶ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 411. С. 133; Ф. 495. Оп. 74. Д. 65. С. 9.

³¹⁷ *Dimitrov G. Diario*. S. 197.

³¹⁸ *Bajt A. Bermanov dosje*. S. 745–749, 766.

³¹⁹ Молниеносная война (нем.).

³²⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 592. С. 12. Перевод цитаты сделан по тексту Й. Пирьевца.

Когда в первой половине 1940 г. вермахт без труда одолел Францию, Броз решил, что пришла пора начать акцию в Югославии, чтобы она не оказалась вовлечена в вихрь Второй мировой войны. Он размышлял о возможности создания союза Балканских государств, которые оказывали бы поддержку друг другу и спаслись бы от немецкой угрозы, встав под защиту Советского Союза. Что касается Королевства Карагеоргиевичей, то несмотря на его многолетнюю враждебную политику по отношению к Советскому Союзу, эта идея не была такой уж утопичной³²¹. В страхе перед немцами белградское правительство 10 июня 1940 г. решило установить дипломатические связи с Москвой. Поскольку республики Прибалтики и Бессарабия уже были присоединены к Советскому Союзу, нетрудно было себе представить, что и Югославия может оказаться под ее крылом. Этот вопрос был поставлен в статье «Между двумя перспективами», опубликованной в газете *Proleter*, причем отмечалось, что было бы ошибкой просто дожидаться, когда Красная армия спасет югославские народы от войны. Даже если она придет на помощь, народ должен помочь себе сам. Ясно, что он сформирует свое правительство, что следует сделать – как отмечал Вальтер еще весной 1939 г. – в соответствии с ленинской теорией³²².

В документе из архивов Коминтерна от 15 сентября 1940 г. содержатся любопытные сведения. Речь идет о протоколе заседания, на котором четыре руководителя Третьего Интернационала – Пик, Эрколи (Тольятти), Готвальд и Димитров – обсуждали устное донесение, переданное Вальтером в Москву через посредника Николая Петровича, коммуниста из Воеводины³²³. Вальтер предложил вышестоящим товарищам, чтобы КПЮ организовала падение коалиции Цветковича – Мачека и заменила ее «настоящим народным правительством». Свою инициативу Броз обосновал тем, что положение в Югославии чрезвычайно напряженное и следует опасаться раздела государства между Германией и Италией, к чему якобы склоняются определенные круги югославской буржуазии. «Настоящее народное правительство», опираясь на поддержку рабочих и крестьян, должно подготовить вооруженный отпор любой попытке соседних фашистских государств поработить югославские народы»³²⁴. Тито долгое время полагал, что Югославия повторит русский опыт. Сначала должна была начаться буржуазно-демократическая революция, носители которой – рабочие массы и либерально настроенные средние слои, и лишь на следующем этапе пролетариат взял бы всю власть в свои руки. Он был уверен, что следует проводить работу в этом ключе, причем КПЮ должна стать протагонистом событий³²⁵.

Результат заседания ИККИ, на котором обсуждался этот смелый проект, оказался не в пользу плана Вальтера. Руководители Коминтерна считали, что партия недооценивает мощь противника и переоценивает собственную. По их мнению, Югославия еще не созрела до преобразований, подобных тем, что произошли в России после Февральской революции 1917 г., ведь партия не имеет большого влияния на промышленных рабочих, только на крестьянские массы. Поэтому они предостерегли Вальтера от проведения любой преждевременной акции, для которой нет соответствующих внутренних и международных условий, и подчеркнули, что не следует строить иллюзий о возможной помощи Красной армии. В этом документе, где Вальтер впервые упоминался как секретарь ЦК КПЮ, Пик, Эрколи, Готвальд и Мануильский не ограничились лишь запретами. Во второй части упомянутого «решения» они наметили политическую линию, которую партия должна воплотить в жизнь: планам раздела Югославии ей следовало противостоять путем поддержки тех групп среди широких слоев населения, горо-

³²¹ Там же. С. 13, 17.

³²² Swain G. R. Tito: the Formation. S. 262, 263.

³²³ Dedjer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 170; Pirjevec J. Sklep sekretariata Izvršnega komiteja Komunistične internacionale, št. 688 z dne 15. septembra 1940 // Prispevki za novejšo zgodovino. 1997. XXXVII. № 2. (Ferencev zbornik). S. 117–122.

³²⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1325; Klinger W., Kuljiš D. Tito. Neispričane priče. S. 207 и далее.

³²⁵ Bilandžić D. Hrvatska moderna povjest. Zagreb: Golden Marketing, 1999. S. 126.

жан и армии, которые готовы организовать вооруженное сопротивление. «Если раздел югославского государства на немецкий и итальянский протектораты произойдет без вооруженного столкновения, партия должна организовать массы на борьбу против предательства югославской буржуазии и насилия иностранных империалистических сил». С этой целью партии следует продумать, не будет ли целесообразно разработать для разных национальных областей и для всей Югославии военные программы с конкретными политическими, экономическими и национальными требованиями. «Партия должна использовать любую возможность сотрудничества с оппозиционными элементами и оппозиционными группами мелкобуржуазных партий, а также социал-демократии, чтобы расширить и укрепить боевой фронт против реакции и поднять массы на защиту независимости народов Югославии»³²⁶.

* * *

Вернувшись в Загреб, Вальтер сразу же созвал заседание ЦК КПЮ, на котором было принято решение как можно скорее организовать проведение партийного съезда. Чтобы как следует подготовиться к этому важному событию (последний съезд состоялся одиннадцатью годами ранее в Дрездене), с мая по сентябрь 1940 г. провели ряд областных конференций. В них приняли участие 1500 делегатов, которые выразили согласие с резолюцией, что партия за последние месяцы сильно укрепилась в организационном и идеологическом плане. Она обеспечила себе доверие широких народных масс и стала важным политическим фактором во всей Югославии. В ней насчитывалось 6500 членов, к которым следовало добавить еще примерно 17 800 членов СКМЮ. «Это число, – рассказывал Тито позже, – с каждым месяцем всё увеличивалось»³²⁷.

Хотя курьер, доставивший вышеупомянутую рекомендацию ИККИ, попытался убедить Вальтера не созывать партийный съезд, поскольку в полицейском государстве невозможно организовать встречу, в которой бы приняло участие более 100 человек, тот не отказался от своих планов. Он уступил только в том, что обозначил будущую встречу не как «съезд», а как «конференцию». Итак, с 19 по 23 октября 1940 г. состоялась V Конференция КПЮ. Проходила она в Дубраве, куда переехал Тито, поскольку в пригороде Загреба было проще организовать прибытие 108 делегатов со всей Югославии, не привлекая к этому особого внимания. С деньгами проблем не было, ведь партия располагала большим количеством золота, принадлежавшего Независимым профсоюзам, но находившегося в руках Тито³²⁸. Еще требовалось найти достаточно просторный и удобно расположенный дом, в котором можно было бы убрать несколько внутренних перегородок, чтобы устроить зал для заседаний. Нужно было приобрести скамейки и стулья, оборудовать кухню, купить еду и даже построить временный дополнительный туалет. И всё это, конечно, следовало сделать в несколько заходов, незаметно, чтобы соседи ничего не заподозрили, и чтобы сами делегаты, большинство из которых должны были прийти ночью, не знали бы, где они находятся. Ведь хватило бы одного засланного шпиона, чтобы уничтожить всю верхушку КПЮ³²⁹. Опасения не были безосновательными, поскольку сторонники Петко Милетича даже запланировали нападение на место проведения конференции и не смогли осуществить его только из-за того, что кто-то из их группы вовремя оповестил ЦК КПЮ о готовящейся акции³³⁰. Когда одну загребчанку заподозрили в том, что она может

³²⁶ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 411. С. 141–146; *Гуренко Ю. С.* Сталин – Тито. С. 82, 83.

³²⁷ AS. Dedijer. Т. е. 111. Magnetofonska snimka. С. 89.

³²⁸ *Dedijer V. Novi prilozhi. Vol. III. S. 27; AS. Dedijer. Т. е. 242. Kopja iz memoarov druga M. Dilasa. S. 222–226; Т. е. 252. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 19c.*

³²⁹ Zagreb i Hrvatska. С. 54, 55; *Dedijer V. Novi prilozhi. Vol. I. S. 262; Vol. II. S. 365.*

³³⁰ *Dedijer V. Novi prilozhi. Vol. III. S. 147.*

сообщить полиции о происходящем в снятом внаем доме, Броз не колебался: «Я приказал Кончару убить ее. Мы должны были принимать такие меры»³³¹.

На конференции поддержали интерпретацию войны, данную Коминтерном: она является столкновением между двумя империалистическими блоками, и обязались бороться «за трудящиеся массы путем организации Народного фронта снизу»³³². В соответствии с этой линией Броз, которого вновь избранное Политбюро утвердило генеральным секретарем, в своем вступительном слове осудил «псевдодемократию английских и французских империалистов». Он подчеркнул, «что пожар войны распространяется, что фашистские силы уничтожают независимость одного государства за другим, и что опасность всё больше непосредственно угрожает и Югославии». В завершение конференции он заявил, что необходимо готовиться к немецкой и итальянской агрессии: «Товарищи, наступает решающий момент. Теперь вперед, в последний бой. Следующую конференцию мы должны провести в стране, освобожденной от иностранцев и капиталистов!»³³³ Историки так впоследствии цитировали его слова. Но это не соответствовало действительности. Он сказал другое – что нужно использовать современный кризис для осуществления революции: «В противовес перспективе, за которую борется империалистическая буржуазия, а именно, закончить войну новым империалистическим “миром”, основанным на новом переделе мира и еще большем угнетении поработанных народов, рабочему классу в союзе с трудовым крестьянством открывается перспектива революционного свержения империализма, перспектива новых побед социализма и ликвидации причин империалистических войн»³³⁴.

КПЮ после конференции стала «монолитной» организацией сталинского типа; в разнообразии идеологических течений она видела худшее из зол: фракционность. Кроме того, основная масса лишь формально избирала высшие органы, на деле же генеральный секретарь назначал ЦК, а тот уже формировал остальные партийные структуры³³⁵. 29 членов ЦК и семь членов Политбюро были утверждены на основе заранее подготовленного списка, причем ради конспирации их не называли по имени и фамилии, не упоминали их псевдонимов, а просто бегло описали. Поэтому впоследствии было трудно определить, кто действительно вошел в состав этих органов³³⁶. Большинство из них были молодыми людьми от двадцати до тридцати лет. Что касается Тито – не было никаких сомнений в том, что именно он должен занять место генерального секретаря, ведь его поддержала Москва. На этом фундаменте сложилась хорошо организованная и подчиненная жесткой дисциплине партийная структура, которую один британский дипломат справедливо назвал похожей на иезуитскую. Сам не зная того, он повторил мысль Джиласа о коллективе, объединенном товариществом, любовью и экзальтацией, характерной для новообразованных религиозных сект³³⁷. «Такой нелегальной партии, как наша, не было никогда, – утверждал Эдвард Кардель. – <...> Мы научились доверять друг другу; ты научился доверять человеку, который был в тюрьме, ты знал, что он не предаст тебя, и на этом строились доверие и дружба, которые потом были пронесены через всю войну и далее. <...> Ты спокойно сидишь в своем доме, уверенный, что никто к тебе не ворвется»³³⁸. Тито присоединился к нему: «Тогда стало видно, чего достигла наша Партия, какие условия в ней созданы и что эти условия очень хороши для работы. Она очистила свои ряды от фракционе-

³³¹ *Simič P.* Tito. Skrivnost stoletja. S. 155; *Čosič D.* Piščevi zapisi (1951–1968). S. 178.

³³² Zagreb i Hrvatska. S. 54, 55; *Dedjler V.* Novi prilozi. Vol. II. S. 365–367; *Bajt A.* Berma-nov dosje. S. 764.

³³³ *Kisic Kolanovic N.* Hebrang. S. 46; *Bilandžic D.* Hrvatska. S. 122; *Dedjler V.* Novi prilozi. Vol. I. S. 263; AS. *Dedjler. T. e.* 111. Magnetofonska snimka. S. 91; *Dapčević V., Čuruvija S.* Ibeovac: Ja, Vlado Dapčević. Beograd: Filip Višnjić, 1990.

³³⁴ AS. *Dedjler. T. e.* 197. L. Koliševski – V. Dedjlerju, 10.07.1984; *Broz Tito J.* Zbrana dela. Vol. 6. S. 50.

³³⁵ *Dedjler V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 215.

³³⁶ *Rankovic A.* Dnevničke zabeleške. Beograd: Jugoslovenska knjiga, 2001. S. 130–134.

³³⁷ AS. *Dedjler. T. e.* 242. Kopja iz memoarov druga M. Dilasa. S. 159.

³³⁸ *Dedjler V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 317.

ров, избавилась от разных доносчиков, которые были полицейскими шпионами. С моральной точки зрения это принесло нам колоссальное удовлетворение»³³⁹. Более трезвую оценку КПЮ накануне войны дал позднее Стане Кавчич: «Тито стал настоящим руководителем партии, ликвидировав в ней разные теоретические и политические (фракции) построения. Привел ее к единому теоретическому и практическому знаменателю. Оставался бдительным стражем этого своего успеха»³⁴⁰. КПЮ брала пример с Советского Союза и в том, что касалось обеспечения функционеров привилегиями. До возвращения Броза из Москвы каждый из них получал по 2 тыс. динаров в месяц, что более-менее соответствовало зарплате учителя. Но поскольку в СССР «товарищи», занимавшие ответственные посты, получали дополнительное вознаграждение, Броз предложил ввести эту практику и в Югославии. Зарплату членов Политбюро он повысил на 1 тыс. динаров, а собственную – в три раза. Политбюро также подарило ему виноградник в окрестностях Загреба, доходами с которого Вальтер пополнял свой ежемесячный бюджет. Он выдавал себя за состоятельного инженера Славко Бабича и купил маленькую виллу с беседкой на окраине Загреба. А еще он пожелал иметь автомобиль марки «Форд» и шофера, считая, что должен жить на широкую ногу, чтобы не привлечь внимания полиции. Об элегантной одежде можно и не упоминать³⁴¹.

³³⁹ AS. Dedijer. T. e. 111. Magnetofonska snimka. S. 90.

³⁴⁰ AS. Dedijer. T. e. 188. Zapis S. Kavčiča. Tito. 06.03.1985. S. 1.

³⁴¹ Ridley J. Tito. A Biography. P. 153; Adamič L. Orel in korenine. S. 440; AS. Dedijer. T. e. 242. Kopja iz memoarov druga M. Dilasa. S. 195.

Нападение сил Оси на Югославию

Сильвестров день 1940/1941 г. Броз вместе с Гертой Хаас и другими друзьями провел у супругов Копинич, которые по заданию Коминтерна вернулись с ним из Москвы в Загреб. «Наверное, мы сейчас празднуем последний Новый год в Старой Югославии, – сказал он. – Гитлер не оставит нас в покое, поэтому настанут трудные времена. В любом случае мы, коммунисты, к этому готовы»³⁴². О том, насколько интенсивно работал Тито в этот драматический период истории, свидетельствует статья, посвященная тактике и стратегии вооруженного восстания, написанная им для лекции в партийной школе ЦК КПЮ в феврале и марте 1941 г. В ней ясно выражена идея пролетарской революции как искусства, которое воплощается в жизнь в этой «высшей форме классовой борьбы» (Ленин), конечно, начиная с того критического момента, когда можно будет использовать «смятение масс», «волнения народа» для вооруженной борьбы с классом эксплуататоров. И какой момент может быть для этого лучше, чем начало кризиса, который разразится, если силы Оси нападут на Югославию? В этом случае не была бы утопией надежда зажечь ту искру, из которой вспыхнет народное восстание. «Высшая точка активности масс проявляется в том, что они готовы сражаться и умереть за победу революции; презирая смерть, они преисполнены гневом и необузданной враждебностью, перерастающими в “бешенство”, переходящее в жестокость». Через много лет на вопрос о том, как он пришел к идее партизанской войны, которая провозглашена в этой статье, Тито ответил, что много думал об этом, поскольку хорошо изучил положения марксизма о вооруженном народе. Ряд идей он позаимствовал у Клаузевица, а также изучил опыт Первой мировой войны, Октябрьской революции, ведения партизанской войны в Китае и испанской герильи против Наполеона. Но главным образом у него перед глазами был пример недавней гражданской войны в Испании, ошибок которой следует избегать и на событиях которой нужно учиться. Прежде всего, подчеркивал он, партия как авангард пролетариата с самого начала должна взять инициативу в свои руки, разработать план восстания в деталях, организовать боевые отряды, «ударный кулак» революционного пролетариата, осуществить их союз с крестьянами и национально-освободительными движениями, и при этом уничтожить или взять под контроль старую административную и военную систему. «Партия не должна допустить, чтобы восстание началось спонтанно, без ее организации и руководства»³⁴³.

* * *

В начале 1940 г. Югославия оказалась в чрезвычайно тяжелом положении. Италия и Германия держали ее в клещах, ведь Третий рейх сотрудничал с Венгрией и Румынией, а Муссолини включил в свою империю Албанию, в которую ввел войска в апреле 1939 г. Он хотел воссоздать Римскую империю и превратить Адриатику в «*mare nostrum*»³⁴⁴, затем продолжить свою экспансию, присоединив Югославию, однако Гитлер запретил ему это. Германия уже господствовала экономически в Балканском регионе, поэтому фюрер вовсе не желал проблем с поставками нефти и другого сырья из-за амбиций дуче. Но обуздать Муссолини было трудно: не оповестив Гитлера, 28 октября 1940 г. он силами девяти дивизий напал с территории Албании на северную Грецию. Вопреки ожиданиям, греческая армия действовала эффективно: уже в середине ноября она освободила родную землю и начала вторжение в Албанию. После зимнего затишья, в марте 1941 г., итальянцы организовали новое наступление и вновь не добились

³⁴² Cencič V. Enigma. Vol. I. S. 137.

³⁴³ Broz Tito J. Zbrana dela. Vol. 6. S. 149–177; Swain G. R. Tito and the Twilight. P. 214.

³⁴⁴ Наше море (*итал.*).

успеха³⁴⁵. В этой ситуации князь Павел долго пытался сопротивляться призывам Берлина и Рима – присоединиться вместе с Венгрией и Румынией к государствам Оси (Германии, Италии и Японии), поскольку по воспитанию, семейным связям и политическим убеждениям он был англофилом. В поисках поддержки он, как уже было сказано, в июне 1940 г. даже установил дипломатические отношения с Советским Союзом, который Карагеоргиевичи до тех пор считали страной Антихриста. Москва в ноябре 1940 и в январе 1941 г. выдвинула Берлину требование не расширять зону военных действий на Балканы и оповестила об этом также и югославское правительство, но больше она ничего сделать не могла³⁴⁶. Когда весной 1941 г. стало понятно, что Великобритания – единственное государство, которое всё еще боролось против немцев, – не сможет помочь князю Павлу, он принял решение присоединиться к Тройственному пакту, чтобы защитить Югославию от военной оккупации. Условия союза, которые предложил ему Гитлер, были достаточно благоприятны. От Югославии не потребовали ни непосредственного участия в войне, ни предоставления ее территории в распоряжение немецких войск для осуществления их стратегических планов. Однако надежды князя Павла, что таким образом ему удастся уберечь свои народы от ужасов войны, продлились недолго. Следуя примеру Болгарии, 1 марта 1941 г. присоединившейся к Тройственному пакту, премьер Цветкович и министр иностранных дел Д. Цинцар-Маркович 25 марта 1941 г. подписали протокол в Бельведерском дворце в Вене.

О закулисной игре, предварившей этот судьбоносный акт, Политбюро ЦК КПЮ в общих чертах было осведомлено. В государственном пресс-бюро у него был свой журналист, присутствовавший на всех конфиденциальных конференциях Цинцар-Марковича, на которых министр давал указания для прессы. Так что капитуляция правительства не стала для него неожиданностью. Как и массовое восстание, вспыхнувшее в Белграде после подписания пакта, которое было спровоцировано православной церковью, националистически настроенными сербскими кругами и сотрудничавшими с ними коммунистами³⁴⁷. Народные демонстрации, которые должны были спасти «честь Югославии», в ночь с 26 на 27 марта увенчались военным переворотом. Совершила его группа офицеров военно-воздушных сил во главе с генералом Душаном Симовичем, которая с помощью британских агентов уже давно плела интриги против князя Павла и его политики договора с хорватами³⁴⁸. Далее события разворачивались как на кадрах киноленты: едва достигший 17 лет король Петр II встал у власти в качестве марионетки военной хунты и тем самым придал ей легитимность. Князь Павел вместе с семьей был вынужден отправиться в эмиграцию, а новое правительство, пришедшее к власти, но не знавшее, что делать, пыталось убедить Гитлера, что намеревается остаться верным только что подписанному пакту. Но тот не принял протянутой руки. Напротив, он немедленно приказал своим генералам организовать наряду с военной интервенцией в Грецию (где требовалось спасти итальянцев от поражения), еще и новое вторжение – в Югославию³⁴⁹.

³⁴⁵ Leary T. M. Fueling the Fires of Resistance: Army Air Forces Special Operations in the Balkans during World War II. Air Force History and Museums Program. Washington, 1995. P. 1.

³⁴⁶ Гиренко Ю. С. Сталин – Тито. С. 85.

³⁴⁷ AS. Dedijer. Т. е. 242. Kopja iz memoarov druga M. Oiiaza. S. 243–245.

³⁴⁸ TNA. HS 3/151.

³⁴⁹ Dedijer V. Novi prilozci. Vol. II. S. 375; Clissold S. Dilas. S. 122, 123.

Вторжение в Югославию и призыв к восстанию

В дополнение к операции «Марита» разработали операцию «Кара», которая началась на Вербной неделе по православному календарю, ранним утром 6 апреля 1941 г. Тот факт, что в 2:30 утра советское и югославское правительства подписали Договор о дружбе и ненападении в надежде, что этот демонстративный жест убедит немцев отказаться от их завоевательских планов на Балканах, не повлиял на развитие событий. Кардель вспоминает, что коммунисты запланировали провести в тот день в Белграде крупные демонстрации в поддержку подписания договора, но немцы их опередили³⁵⁰

³⁵⁰ AS. Dedjer. T. e. 7. Spomini tov. Kardelja, 25.12.1951. S. 1.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.